

ЯНВАРЬ
1964
1
1964
СССР
1964
ОГОНЁК
№1 ЯНВАРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Юрий **ГАГАРИН**

Прошедший год — год наших новых космических успехов. Пополнилась семья советских космонавтов. Появилась и хозяйка в этой семье — Валентина Терешкова. Совершился первый космический брак. Терешкова стала Николаевой-Терешковой. В этом же году увеличилась семья Титовых — родилась дочь Татьяна.

Так наши космические успехи сочетаются с семейными.

Я предлагаю поднять бокалы за успехи Советского Союза в космосе и за семейное счастье, которое всегда помогает и сопутствует этим успехам.



КУКРЫНИКСЫ

Этот бокал мы хотим поднять за то, чтобы скорей пришло время, когда на земле не останется ни одного персонажа для наших карикатур. Только тогда мы будем считать, что выполнили свой долг.

С. **МИХАЛКОВ**

Нет «Фитиля» без «Огонька»!



Тост



Бьют куранты,
полнозвонно
На Кремле.
Здравствуй,
Новый год,
рожденный
На земле.
Званый гость,
во все квартиры
Заходи
С Золотой
медалью
мира
На груди!..

Осип Колычев

Юрий **ВЛАСОВ**

В спорте давно уже имеются сторонники пределов: они утверждают, что рекорды не будут расти бесконечно. Может быть, это и так, но я предлагаю тост за тех, кто верит в беспредельные возможности человека. Будем же надеяться, что человек способен поднять даже земной шар!



С НОВЫМ ГОДОМ!

Отрываются последние листки календаря, заполняются последние страницы летописи 1963 года.

Поднимая в новогоднюю ночь первый бокал, миллионы советских людей по старой доброй традиции провозгласят тост за год уходящий, за год-труженик.

Могучим заключительным аккордом созидательной симфонии 1963 года прозвучали решения декабрьского Пленума ЦК КПСС и очередной сессии Верховного Совета СССР. В этих решениях — план дальнейшего развития страны по пути к коммунизму. Большими шагами большой химии будем мы измерять дела и достижения наши в грядущем году. И на этом новом этапе подъема экономики страны с еще большей силой будет звучать лозунг, провозглашенный партией: «Все во имя человека, для блага человека».

Мы вступаем в год 1964-й с возросшими надеждами на мир. Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой — долгожданная первая ласточка, предвещающая весну мира. Мы гордимся тем, что наша партия и наше правительство, выражая волю народа, сыграли решающую роль в заключении этого исторического договора.

Когда люди с висками, уже тронутыми сединой, поднимут в новогоднюю ночь бокалы за мир, они, наверное, вспомнят о грозных и славных событиях, годовщины которых торжественно отмечались в 1963 году. В первом ряду таких незабываемых дат, записанных в истории кровью лучших сынов и дочерей нашей страны, было 20-летие Волгоградской битвы. И, вступая в новый год с возросшими надеждами на мир, советские люди еще и еще раз склонят головы перед вечной памятью тех, кто ценою жизни своей защитил и отстоял эти надежды.

Год 1963-й навсегда вошел в наши сердца и в историю как год новых выдающихся побед в космосе: беспримерных полетов Валерия Быковского и первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой. Социализм по-прежнему лидирует в мирном соревновании по освоению космоса.

За миллионы отпразднованных и грядущих новоселий провозгласят новогодний тост строители. Вспомнят о штурме и перекрытии Енисея гидростроители. За созданный в 1963 году еще один гигантский мост дружбы, соединивший Москву с Гаваной, поднимут бокалы свободные от вахты труженики Аэрофлота. За повторение прошлогоднего успеха на чемпионате мира выпьют (совсем по капле!) наши хоккеисты, и за то, чтобы, встречая 1965 год, наполнить вином Кубок Европы,— наши футболисты.

Много добрых и славных свершений оставляет нам в наследство год 1963-й. Но были у нас и трудности. Не баловала своими щедротами природа, что отразилось на урожае. Мы откровенно признаем это и тут же разрабатываем смелые планы развития химии, призванной обуздать стихию. В этой откровенности и смелости — залог грядущих успехов.

С непоколебимой верой в конечное торжество нашего дела встречаем мы новый год. Мы идем вперед и только вперед. И каждый год — новая ступень нашего подъема к светлым вершинам коммунизма.

Новый мир, новый общественный строй, родившийся в огне Октябрьской революции, с каждым годом все решительнее берет верх над миром уходящим, отживающим. Орудийный раскат «Авроры» до сих пор отдается гулким эхом во всех концах земного шара. В недавних ответах Н. С. Хрущева на вопросы редакций четырех газет стран Африки и Азии с исчерпывающей полнотой говорится о тех колоссальных сдвигах в пользу сил мира и прогресса, которые произошли в мире.

...Мы приглашаем тебя, дорогой читатель, в наш новогодний номер. Вместе с тобой мы пожимаем крепкую трудовую руку году 1963-му и с доброй улыбкой выходим навстречу Новому году. Мы предлагаем тебе, читатель, присоединиться к тем новогодним тостам, которые провозглашают за круглым столом «Огонька» космонавт № 1 Юрий Гагарин и монтажник Вячеслав Квачев, колхозница Люба Ли и писатель Сергей Михалков, штангист Юрий Власов и легкоатлет Валерий Брумель и другие новогодние гости журнала.

С Новым годом, друзья!

С новым счастьем!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



42-й год издания

№ 1 (1906)

1 ЯНВАРЯ 1964

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, провела работу сессия Верховного Совета РСФСР шестого созыва. На трибуне — заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, председатель Госплана РСФСР депутат К. М. Герасимов.

Фото А. ЛЯПИНА и Т. МЕЛЬНИКА.



Вячеслав КВАЧЕВ, монтажник Московского метростроя:
— Пусть еще больше будет новоселий в родной столице и по всей нашей стране!..

«За десять лет, с 1954 по 1963 год, в городах и рабочих поселках построены жилые дома общей полезной площадью 630 миллионов квадратных метров — более 17 миллионов квартир и в сельской местности — около 6 миллионов домов. В новые дома переехали и улучшили свои жилищные условия 108 миллионов человек — почти половина всего населения Советского Союза».

Н. С. Хрущев (из доклада на декабрьском Пленуме ЦК КПСС).

Это произошло 14 декабря 1963 года. В тот субботний день москвичи получили более тысячи ордеров на новые квартиры. Мы побывали там, где выдают ордера.

Исполком Свердловского районного Совета депутатов трудящихся собирается каждую неделю. В ту субботу речь шла о вручении ордера не совсем обычного. 99 999 московских семей уже получили квартиры в 1963 году, а Свердловскому райисполкому выпала честь вручить юбилейный ордер — стотысячной семье.

Юбиляром оказалась семья старого метростроевца Анисима Анисимовича Квачева. Жизнь и труд его вот уже четверть века связаны с сооружением подземных магистралей столицы.

Анисим приехал в Москву в начале тридцатых годов. В 1939 году комсомолец Квачев впервые спустился в забой.

С тех пор работал Анисим Анисимович то сменным механиком, то водителем щита. Сейчас он электрослесарь. Человек прошел всю Москву под землей, через плывуны и скальные породы, от Павелецкого вокзала до автозавода имени Лихачева, а потом и до Ленинских гор.

Шли годы. Анисим Анисимович обзавелся семьей, появились дети — четыре сына! Семья переехала в новый дом на Ленинградском проспекте. Но вот повзрослели и сыновья. Старший, Вячеслав, после десятилетки стал электриком-монтажником на Метрострое, учится в техникуме. Анатолий — студент Московского авиационного института. Юрий — в техникуме, изучает телеавтоматику. Подрастает и младший — пятиклассник Евгений.

Тесновато стало. А тут еще старший женился. Что ж, дело молодое!.. Пришла в дом Лариса. Она тоже с Метростроя, работает крановщицей на заводе железобетонных изделий. И стали Анисим Анисимович и Анастасия Григорьевна дедушкой и бабушкой.

Да, что и говорить — куда как многолюдно в одной-то квартире! И тогда попросил Анисим Анисимович «отделить» сына.

Юбилейный ордер в Москве выписан на имя молодого Квачева — Вячеслава Анисимовича. Но, право же, это отличный новогодний подарок всей семье потомственных метростроевцев!

Заместитель начальника Управления учета и распределения жилплощади Мосгорисполкома М. И. Алексеева рассказала:

— У нас, понятно, нет еще полных сведений о количестве ордеров, выданных москвичам за весь шестьдесят третий год. Но их, конечно, будет много больше ста тысяч. И больше половины из них вручены семьям промышленных рабочих.

— Ну, а сколько же примерно людей переехало хотя бы по этим ста тысячам?

— Приблизительно около полумиллиона!

...Итак, идет вручение стотысячного. На заседание исполкома пришли Вячеслав с Ларисой и, конечно же, сам Анисим Анисимович. Председа-

1

Я. МИЛЕЦКИЙ,
И. ТУНКЕЛЬ

Стотысячный

1

Теперь отец и сын Квачевы встречаются в штольне: после работы едут в разные квартиры.

2

Вот она, заветная голубая бумажка!

3

Раз, два!.. Сколько до нашей квартиры ступенек, Маринка?

4

Тот случай, когда тяжесть приятна...

5

Что куда, а елку до Нового года — на балкон!



Поздравляем с новосельем 100000-ную московскую семью

РСФСР

Исполнительный Комитет Свердловского Районного Совета депутатов трудящихся

14 дня декабря месяца 1963

ОРДЕР № 032964

Выдан гр. Квачеву Вячеславу Анисимовичу

с семьей, состоящей из двух человек,

на право занятия двух комн.

площадью 22,8 кв. м в квартире

корпуса №

2

3



4



5



тель исполкома Валентин Иванович Афанасьев тепло говорит: «Поздравляю с новосельем стотысячную московскую семью!..»

Молодые Квачевы впервые едут к себе домой — на Самотечную улицу. И мы с ними.

До самой Самотеки нас провожают башенные краны. День и ночь строится новая Москва. Где-то здесь, недалеко от Самотечной улицы, ровно сорок лет назад был установлен первый в молодой Советской республике сборный жилой дом — прообраз нынешней мощной строительной индустрии. Сейчас вокруг поднялись десятки и десятки многоэтажных красавцев! И вспоминается, что в наши дни армия столичных строителей достигает почти полумиллиона человек. Это они, строители столицы, за последние десять лет снесли 20 тысяч ветхих домов и бараков, построили около 670 тысяч квартир. Новое жилье получили около трех миллионов трехсот тысяч человек!

Дом, в который мы едем вместе со стотысячниками Квачевыми, тоже девятиэтажный. Белоснежный, он виден издалека.

Квартира Вячеслава на седьмом этаже. Небольшая, как и сама молодая семья, но светлая, удобная. Лариса, конечно, сразу на кухню; Слава — к окнам. Перед домом оснеженный бульвар. Для Маринки...

А потом зашел разговор о новоселье. Ох, сколько же забот приносит он, долгожданный ордер! А тут еще годовщина свадьбы да еще Новый год! Но каждый согласится: побольше бы таких забот!

МОСКОВСКИЙ...

О новогодних пасьянсах, „независимых" сотрудниках и чувстве юмора

(ПИСЬМО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ЮНАЙТЕД СТЕЙТС НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ» МИСТЕРУ ДЭВИДУ ЛОУРЕНСУ)

Сэр,
на последней странице Вашего журнала сообщается, что редакционное мнение выражают только Ваши собственные статьи. Остальные материалы, публикуемые в журнале, пишутся сотрудниками редакции «вполне независимо».

Статья, которая побудила меня взяться за перо, написана не Вами. Но поскольку вполне независимые сотрудники журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» получают жалованье у Вас, то я решил адресоваться все-таки к Вам.

Речь пойдет о пророчествах и пророках.

Прорицательством и снотолковательством, сэр, занимаются очень многие. Объясняется это, видимо, общедоступностью гадательного инвентаря (бобы, сновидения, горох, воск, кофейная гуща, карты и т. п.) и простотой обращения с ним. Я думаю, Ваша бабушка, сэр, в свое время приобщила Вас к заманчивому таинству трефовых интересов и бубновых радостей, иначе редактируемый Вами журнал не питал бы такой склонности к гранпасьянсам.

Гибель Советскому Союзу и коммунизму вообще пророчили многие. Но даже самые легкомысленные предсказатели в последнее время не докатывались до такого малоквалифицированного шаманства, до которого, простите, дошел Ваш журнал.

Откройте свой журнал № 21, вышедший незадолго до Нового года, на странице 50. В заголовке статьи, о которой идет речь, стоят слова: «Коммунизм терпит поражение». Ваши сотрудники не решились, правда, поставить после этих слов знак восклицательный и поставили знак вопросительный. Зато в самой статье вопрос везде заменен утверждением:

«Экономика России проваливается», «сельское хозяйство России проваливается», «жилищное строительство проваливается», «завоевание космоса проваливается», «ракетостроение проваливается» и т. д. и т. п.

Говорят, для старика Форда издавали специальную газету в одном экземпляре, где писали: все, мол, в порядке, мистер Форд: революции отменены, доходы компании возрастают, а рабочий класс молится на капиталистов.

Ваш журнал живо напоминает нам эту газету.

Мы понимаем: вопросы подписки, тиража, денег. Хочется ублажить заказчика. А заказчик Вашего журнала крайне правый. Вот Вы и преподносите ему новогодний подарок: все у коммунистов чахнет, терпит крах, проваливается. Заказчик не верит. Но ему нестерпимо хочется верить. А это уже приятно.

Только зря Ваши сотрудники остановились на полпути.

Если уж дуть, так дуть до горы. Представляете, сколько было бы радости среди всякой дряни, если бы Ваш журнал поместил и такое объявление: «Дорогие читатели, сообщаем вам в канун Нового года, что и Советский Союз провалился. Совсем. Как сквозь землю. Нет его теперь. И коммунистов нет. И коммунистических идей. Ей-ей, нету»!

То-то было бы восторгов! А что? И очень даже просто могли написать. Основания те же. Жизнь, конечно, идет своим чередом и на предсказания Вашего журнала внимания не обращает. Но ведь далеко не все Ваши читатели знают, что только за последние десять лет валовая продукция промышленности Советского Союза возросла почти в 3 раза, что даже в условиях климатически очень трудного для нас прошедшего года Советское государство получило зерна в 1,4 раза больше, чем в 1953 году, мяса — в 2,6 раза. Не каждый Ваш читатель знает, что национальный доход советских людей возрос за последние десять лет в 2,3 раза, а в новые дома переселились или улучшили свои жилищные условия 108 миллионов человек — половина населения страны. Наше ракетостроение не нуждается в рекламе, а в области освоения космоса одна только наша «Чайка» — Валентина Николаева-Терешкова — перекрыла достижения всех американских космонавтов.

«Коммунизм потерпел крах после сорокашестилетнего советского эксперимента,— пишут Ваши сотрудники.— Вести о его поражении приходят со всех концов коммунистической империи — от России до Китая, от Восточной Европы до Кубы».

Ах, мистер Лоуренс, мистер Лоуренс! Нельзя терять чувство юмора. Это ужасно — терять чувство юмора в ночь под Новый год! Неужели Вы не заметили, сколько убийственной иронии в адрес предсказателей заложено в этих двух фразах, напечатанных в Вашем журнале! О каком же провале сорокашестилетнего эксперимента можно говорить, если он привел к образованию огромного лагеря социализма!

Надо отдать должное осторожности Ваших сотрудников: они не хотят брать на себя ответственность за свои предсказания. Поэтому ссылаются на «авторитеты». Правда, фамилий не называют. Сказано просто и многозначительно: «Крупные авторитеты западного мира».

От их имени журнал произносит решающее заклинание.

«Среди авторитетов западного мира,— вещает журнал,— сейчас существует единое мнение по поводу того, что коммунизм как система потерпел крах».

Но немедленно после этой фразы следует другая, которая еще раз утверждает нас в мысли, что с чувством юмора в «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» не все обстоит благополучно.

«Существует также мнение,— без тени улыбки пишут Ваши сотрудники,— что этот крах в условиях коммунизма уже не сможет обернуться его успехом».

Если эту сложную мысль, сэр, перевести на обычный разговорный язык, то она будет звучать приблизительно так: «Дорогие читатели, мы понимаем, что вы скептически относитесь к нашим пророчествам о гибели коммунизма. Слишком часто мы ее обещали вам. И слишком часто то, что мы называли крахом коммунизма, в дальнейшем оказывалось его очередной победой. Но на этот раз все. Точка. Уж будьте спокойны. Крупнейшие авторитеты — за нас».

Кстати, об авторитетах. Перед Новым годом я позвонил хорошо известному Вам обозревателю английской газеты «Обсервер» Эдварду Крэнкшоу. Крэнкшоу — антикоммунист. Я думаю, что ему, как и Вам, было бы приятно узнать, что коммунизм терпит крах. Одним словом, Крэнкшоу — идеологический противник Советского Союза. Однако противник, который умеет и трезво мыслить. Я беседовал с Крэнкшоу, конечно, не по поводу статей в Вашем журнале. Просто было интересно узнать его мнение о политических результатах прошедшего года и политических перспективах года наступающего. Крэнкшоу с большим уважением отозвался о миролюбивой политике Советского Союза, очень одобрительно говорил о заключении Московского договора, об ослаблении напряженности, которая произошла в мире, об улучшении отношений между СССР и США, СССР и Англией. От будущего года он ожидает развития этих процессов.

Когда же разговор все-таки зашел о пророчествах Вашего журнала, должен сказать Вам прямо, сэр, что они не нашли у Крэнкшоу поддержки. В связи с пляской, которую «Юнайтед Стейтс» пытался исполнить на экономических трудностях Советского Союза, вызванных низким урожаем 1963 года, Эдвард Крэнкшоу дал разумный ответ. «Совершенно очевидно,— сказал он,— что в Советском Союзе выдался очень тяжелый климатический год. Но плохой или хороший урожай одного года не влияет на процессы, происходящие в мире».

Журнал-гадалка, ссылаясь на «авторитеты», сообщил читателям, что сами идеи коммунизма терпят крах во всем мире, что «притягательная сила коммунизма в процветающих странах Запада иссякла». Но ведь трудно скрыть от читателей растущие силы и авторитет, например, Французской компартии или огромную победу, которую одержали на выборах 1963 года итальянские коммунисты.

И вот Ваши сотрудники, сэр, не находят ничего лучшего, как объяснить это противоречие между предсказанием и жизнью следующим образом:

«Европейцы говорят (выражаем, сэр, кстати, наше восхищение по поводу информированности Ваших сотрудников. Заметьте,— они ссылаются не на мнение некоторых европейцев, даже не на мнение многих европейцев, а на мнение всех европейцев сразу.— Г. Б.), что когда французский или итальянский рабочий голосует за коммуниста, он делает это не потому, что хочет видеть коммунистов у власти. Скорее, он голосует за коммунистов просто для того, чтобы продемонстрировать свою досаду в связи с существующими условиями, например, поднимающимися ценами или замороженной заработной платой».

Поверьте, сэр, мне не хочется развивать дальше конфликт между Вами и Вашими сотрудниками, но согласитесь, что сам собой напрашивается вопрос: почему же итальянский и французский рабочий, желая «продемонстрировать досаду», голосует именно за коммунистическую партию, а не за какую-нибудь другую? Мы не имели возможности выяснить по этому поводу мнение всех европейцев. Но мнение одного из них я приведу. Это мнение мэра итальянского города Болоньи товарища Доцци. Товарищ Доцци — коммунист. Вот уже несколько лет он мэр Болоньи. Не буду перечислять, что успел за эти годы сделать муниципалитет, руководимый коммунистами: новые школы, новые больницы, дома для рабочих и т. д. и т. п. Возможно, об этом я еще напишу в нашем журнале. Скажу только, что ответил товарищ Доцци, когда я привел ему по телефону утверждение Вашего журнала. Он рассмеялся и сказал: «Чепуха! Мы уже слышали такие заявления. Но это их (то есть, простите, Ваши, сэр.— Г. Б.) иллюзии. Люди прекрасно знают, за кого голосуют, и, отдавая свой голос коммунистам, руководствуются здравым смыслом, а не случайными обстоятельствами».

Итак, сэр, я подхожу к концу своего письма. Нет сомнений: Вас подвели сотрудники, которые выражают свое мнение «независимо». Желаю Вам в новом году избежать подобных неприятностей. И послушайтесь доброго совета, сэр: перестаньте заниматься предсказаниями. Не будет Вам от них ни бубновых, ни трефовых радостей. Одно сплошное пиковое положение. Уверяю Вас.

С совершеннейшим почтением

Генрих БОРОВИК,
обозреватель «Огонька».

Теперь десятки километров узкоколейной железной дороги бороздят каждый участок лесопункта. Мощные тепловозы тянут тяжелые составы с лесом.

Так, на лошадях, вывозили лес на Нижний склад в 1938 году.

Б. КУЗЬМИН

Фото автора.



ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Свой путь к лесорубам я начал из Архангельска. Впрочем, название «лесоруб» уже устарело, сейчас у них и топора-то не найдешь.

В редакции областной газеты «Правда Севера» я встретился со старым другом, фотокорреспондентом Калестином Степановичем Коробицыным, коренным архангелогородцем и старейшим сотрудником газеты. Узнав о цели моего приезда, он тут же открыл шкаф своей фототеки и стал извлекать коробки с негативами тридцатых годов.

— «Фотокором» еще снимал.

Я с увлечением рассматривал негативы, снятые на стеклянные пластинки, а он с не меньшим увлечением ударился в воспоминания. Комментируя фотографии, вспоминал людей, называя имена и фамилии, о каждом говорил, как о своем добром приятеле, с гордостью рассказывал о героях леса, об их тяжелом труде, об их житье-бытье.

Показывал фотографии детей своих героев, снятых специально для них на память.

— Вот смотри: Сережа Журенков — знаменитый бригадир был, я его с сыном Сашкой сфотографировал, а вот, в шлеме красноармейском, Коля Чебаненко — тогда самый молодой в бригаде, но, как говорится, мал, да удал, работяга парень. Где-то они сейчас? Давненько я их не видел.

— А что, Калестин Степанович, не навестить ли нам твоих старых товарищей, глядишь, найдем кого из них да и расскажем нашим читателям об их житье-бытье. А коли не найдем, то поведаем о тех людях, которые сейчас там работают.

В вагоне поезда мы до полуночи рассматривали фотографии, а он все рассказывал:

— Бригада Шестакова, все в сборе. Читают приветственную телеграмму обкома партии, в 1938 году это было. Они первыми перешли с двуручной дровяной пилы на лучковую. Сейчас ее мало где увидишь — музейной редкостью стала. За лучковой в лес пришла импортная электропила «Вакоп» — тяжеленная, громоздкая штука. К тому же кабель очень длинный, несколько сот метров, неудобно его таскать. Тяжело да и путаешься, работать мешает.

Работали этой пилой, только пока начальство на глазах, а как начальство скрылось, «Вакоп» под кусты, а сами за «лучок»: легче и надежнее.

А теперь в лесу поет бензопила — изобретение наших ученых, северян Харламова и Вороницина, премию Государственную они получили.



А вот семнадцатилетний Коля Чебаненко лучковой пилой кряжует стволы деревьев.

Он же, но теперь Николай Федорович — машинист консольно-козлового крана на Нижнем складе.



В столовой лесопункта все готово к обеду. Кухня оборудована по последнему слову техники.



В гостях у знаменитых лесорубов Ивана Яковлева.

Это тебе не «лучок», им-то за день так намахаешься!

Проводница принесла чай. Калестин Степанович из небольшого, но вместительного, видавшего виды чемодана достает домашнюю снедь.

— Это ребятам Сережи Журенкова — любят они гостинцы.

Я смеюсь: Калестин Степанович так увлекся воспоминаниями, что и забыл, сколько лет утекло с тех пор. Дети-то уж сами, небось, дядями стали!

— Ну, тогда внукам...

Из управления Коношского леспромхоза мы поехали на лесопункт, где надеялись найти бригаду Журенкова. Но нам не повезло: дома была только его жена. Мы показали ей старые фотографии. Она всех узнала, но в их поселке никого уже не осталось.

— Вот этот, высокий, уж забыла, как его звать-то, уехал к

Прославленный бригадир малой комплексной Иван Сергеевич Яковлев — депутат Верховного Совета. Его бригада за 10 месяцев заготовила 16 тысяч кубов леса.

себе на родину, а самый молоденький — Коля Чебаненко — сейчас на Мелентьевском лесопункте крановщиком работает. Огромной машиной орудует, не то, что у вас на снимке «лучком» кряжует.

Мелентьевский лесопункт, куда мы направились, как раз тот самый, где работает знаменитая бригада лесорубов Ивана Сергеевича Яковлева — депутата Верховного Совета СССР. Это он в своем письме Н. С. Хрущеву обязался к концу семилетки выполнить план двух семилеток.

Так мы добрались до цели своего путешествия.

Побывали в бригаде Ивана Яковлева, повидались с Николаем Чебаненко, познакомились с другими замечательными людьми — теперешними героями леса.

А что именно мы увидели, о том расскажут фотографии.

Жилье лесорубов — ветхая избушка. Снимок 1938 года.

В таких домах, теплых и светлых, живут сейчас лесорубы Мелентьевского лесопункта.



ЗА БОЛЬШУЮ ХИМИЮ!

**Я имею дело с землей и потому провозгла-
ıаю тост за большую химию. Это она помо-
ıет мне выращивать 2 тысячи центнеров зеле-
ой массы кукурузы с гектара, это она дает воз-
ожность получать пятисотпудовые урожаи
иса и джугары на орошаемых полях.
Итак, за большую химию, а значит, за
ольшой хлопок и за большой хлеб!**

**Герой Социалистического Труда
Люба ЛИ**





Валерий БРУМЕЛЬ

У рожденных ползать всегда имеется в запасе несколько прописных истин. Например: «От хорошей жизни не полетишь», «Выше себя не прыгнешь». А мне хочется поднять новогодний тост за тех, кто во всех областях человеческого дерзания пытается прыгать выше себя. Прыгайте, друзья!

ла Генриховна МАСЕВИЧ

**В 1963 году в космосе побывала первая жен-
ıна — моя соотечественница.
Наступающий 1964-й объявлен Международ-
ıм годом спокойного Солнца. Ученые многих
ран будут проводить совместные исследова-
я Солнца и его воздействия на Землю. Это
роший пример объединения сил науки ради
рной цели.
Мой тост — за женщину в космосе, за спо-
йное Солнце, за мирную Землю.**



Зимушка-зима

Эстампы все больше входят в наш быт. Московский комбинат графического искусства ежегодно выпускает около 300 названий эстампов — офортов, литографий, гравюр — общим тиражом до 250 тысяч экземпляров.

Публикуемые нами линогравюры Б. Аверьянова, Ш. Бронштейна, В. Киселева, В. Месропяна, И. Обросова, В. Стекольщикова, Л. Финогеновой, И. Фомина показывают, как выразителен и поэтичен может быть эстамп, если он сделан рукой мастера-художника.

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

А. С. Пушкин

Легла зима от края и до края земли нашей — укрыла белыми простынями поля и степи, лесные поляны и опушки, заковала в ледовую броню озера и реки, серебром инея украсила деревья. В солнечные дни все сверкает золотом и синью, все блестит так, что глаза невольно прищуриваются,— воздух чист и свеж, дышится глубоко и просторно. Зима!

Тысячи вдохновенных строк посвятили ей поэты русской земли, воспели ее прелесть. Знаменитые художники разных времен писали на холстах зимние пейзажи, от которых становилось на душе светло и радостно. Кого не вдохновляла зима? Кто оставался равнодушным к ее красоте? Даже когда вьет свои седые косы злая метель, нагромождая белоснежные сугробы, то и в этой стихии есть своя притягательная сила, от которой сладко замирает сердце и бодрость разливается по жилам.

Жизнь не стоит на месте: человек улучшает и украшает родную землю, то исправляя природу, то вступая в борьбу с ней, то восстанавливая порушенное, то насаждая новое, прежде неизвестное. И если старый русский зимний пейзаж всегда сочетался в нашем представлении с пустынностью, с безлюдными просторами, с дремотной лесной тишью, то теперь всегда и всюду мы увидим созидание, кипение бурлящей жизни и человека, переделывающего жизнь. И дорога зимняя не скучная и «тройка борзая», одиноко мелькающая меж увалов,— картинка, ушедшая в прошлое, как и «версты полосаты», как и непроворный инвалид у заваленной снегом заставы.

Где-то в далекой сибирской тайге стыл в лютых морозах мало кем знаемый поселок Братский острог, и шумела кругом непролазная тайга, и встреча с медведем-шатуном у самой поселковой окраины была вовсе не в диковинку. А теперь кому в мире не известен город Братск? Кого не пленяют шумы строительства гигантской электростанции в Братске? Кто не подивится гирляндам его огней? Кто не порадуется размаху человеческой силы?

Как будто совсем недавно Москва лежала в извечных своих пределах, росла помалу и вдруг поднялась разом, расправила плечи и громадами новых домов двинулась вперед, и возник Юго-Запад, где белели пустынные поля. У деревни Черемушки загорелся красный глаз метро — толпы людей шумят там, где раньше гулял зимний ветер, «ветер, ветер — на всем божьем свете!». У Воробьевых гор кончалась Москва, челночный трамвайчик бегал сюда, к немногочисленным дачкам, а теперь небоскреб Университета вонзился в облака, и сквозь старые березы и липы пригородной рощи засветились мириады его огней. И полностью оправдалось новое название этой местности — Ленинские горы, ибо с именем Ленина народ наш всегда соединяет все радостное, новое, светлое, значительное.

В архангельских и карельских бескрайних лесах, завороженных зимней звонкой тишиной, где только звериные тропы свидетельствовали, что тут приглушенно бьется пульс жизни, вы вдруг натолкнетесь на новый промышленный комбинат, на тракторный обоз, разом вывозящий сотни тонн леса. И, улыбнувшись, вспомните строки: «В лесу раздавался топор дровосека».

Плывет над землей на 11-километровой высоте серебряный воздушный лайнер и за девять часов доставит вас к самому Амуру, в Хабаровск, на Дальний Восток. И если будет вам сопутствовать ясная погода, то увидите вы всю нашу землю до ее пределов: и зеленые массивы тайги, и жилы рек, и бескрайние степи, и высокие горы, которые покажутся сверху вовсе не высокими, и чашу Байкала с ее крутыми склонами — и все это в блеске зимнего серебра, в золоте восходов, в пламени закатов, и увидите красоту русской, сибирской, дальневосточной зимы совсем в иных, необычных гранях и воскликнете: до чего она хороша, и могуча, и величественна, земля наша, и как радостно жить на этой земле! И, конечно, припомните, как отцы, деды и прадеды наши, одолевая немереные пространства, пробирались сюда, к океану, от самой Волги, от Урала, и ставили городки и села, и осваивали пустынный край, и утверждали трудами своими право на эти земли, и открывали их несметные богатства. А у отцов наших, дедов и прадедов не было ни самолетов, ни автомашин, двигались они пеше и конно — шли и пришли аж к самому океану.

...Кругом зима, всюду зима. Всюду снег — белее белого, чище чистого. И радуются люди зиме, ибо в смене времен года видят они жизнь во всех ее поворотах, и каждая смена несет свои утехи и прелести. Разве плохо после трудовой недели стать на лыжи и махнуть в лес или в поле — вдосталь надышаться, отполировать кровь, набраться румянцу, свежих сил, взбодрить себя так, чтобы заблестели глаза, чтобы усталость слетела с плеч?!

А если трудно пользоваться лыжами, мешают года или недуги, разве плохо пойти в парк, посидеть, одевшись потеплее, под разлапистой елью, укрытой снежными пуховиками, посмотреть, как веселится молодежь, играют ребятишки, радуясь и солнцу, и снегу, и даже лихому морозцу, который нет-нет да и щипнет то за нос, то за розовое ухо?

Можно поехать и за город, найти там извечную тишину, услышать, как дышит лес, как журчит незамерзающий ручей, увидеть петлистые следы зайца, а то, если повезет, и встретиться с красавицей лисой,— шерсть ее на мгновение вспыхнет перед вами, как огонь, и враз огонь этот погаснет — лиса скроется, как сказочное видение. И неважно: не охотиться же вы пришли, а любоваться природой, что лучше любой охоты!

На нашей большой, необъятной земле красота новой жизни не погасила старую, извечную, а, соединясь с ней, создала нечто очень дорогое человеку, который знает свое умение и искусство переделывать жизнь, украшать ее творениями рук своих и своими делами и вместе с тем беречь то, что дано нам природой.

Народ наш называет зиму, суровое время года, ласково: зимушка!

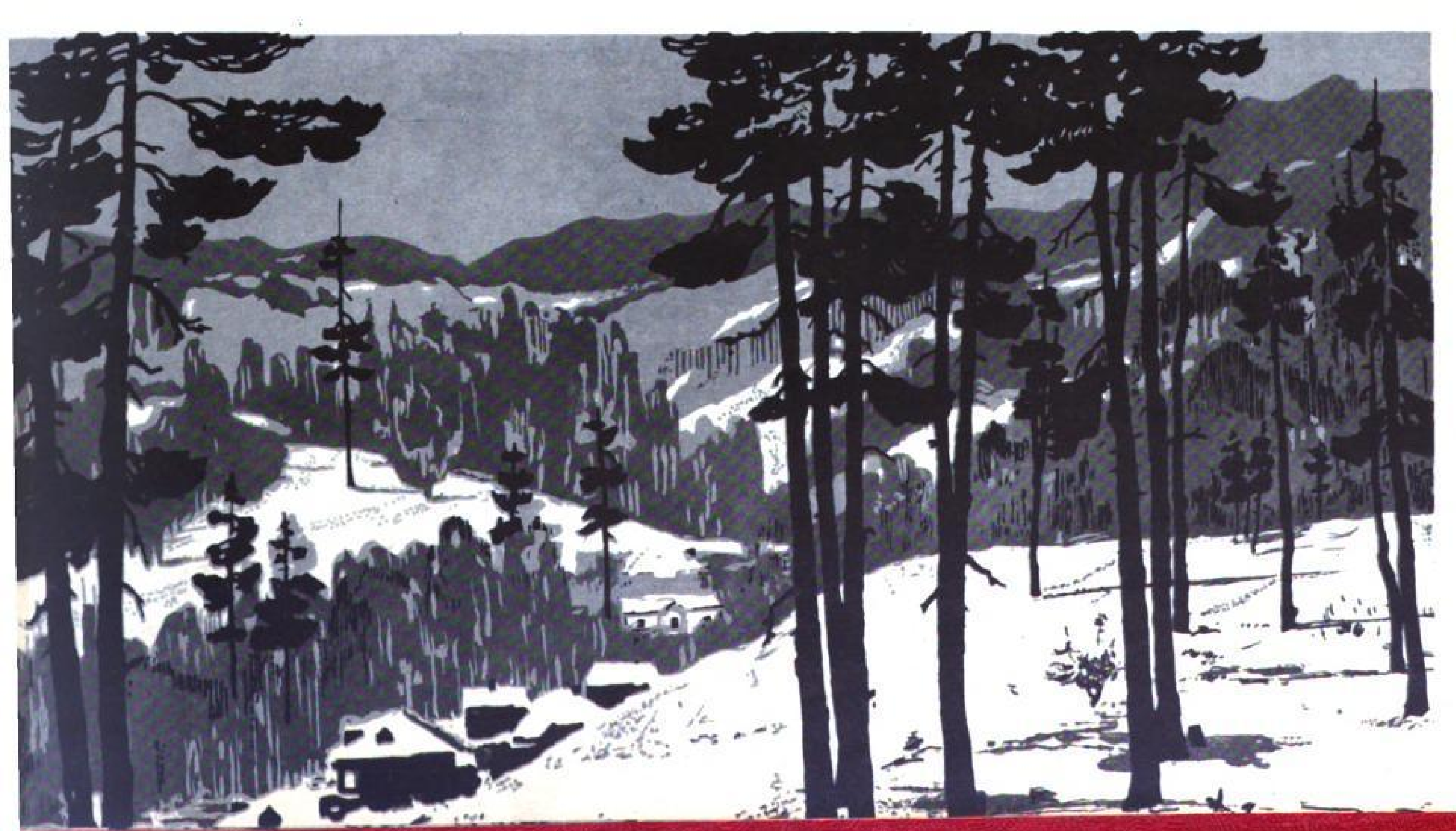
Кто знает, может, именно она со своими морозами, метелями, буранами, вьюгами, сугробами и создала твердый, мужественный, деятельный характер нашего народа.

Ник. КРУЖКОВ

Ш. Бронштейн. УТРО НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ.

И. Фомин. В ГОРКАХ ЛЕНИНСКИХ.

И. Обросов. БАЙКАЛЬСКИЙ ПЕЙЗАЖ.



В. Месропян. ЗИМА.

Леонид ШАРОЛЬ

Фото А. БОЧИНИНА.



Поиск бессмертия

Удивительное в самом деле бывает совсем рядом. Однажды я узнал: в Москве, во 2-м Медицинском институте, есть радиологическая лаборатория, возглавляемая тридцатипятилетним профессором, доктором медицинских наук. В лаборатории идет поиск возможных путей продления жизни человека.

СРЕДСТВО МАКРОПУЛОСА

Через несколько дней я шел по заснеженной Малой Пироговской, направляясь в лабораторию. Был тихий декабрьский вечер. Предусмотрительные москвичи торжественно несли разнокалиберные елки.

Говоря честно, я почти не верил сенсационному сообщению о научном поиске бессмертия. Какая-то рождественская сказка! Кстати, и Новый год скоро. Новогодние пожелания: «Здоровья!.. Счастья!.. Жить до ста лет!..»

Почему в самом деле до ста, а не до ста пятидесяти?

У нас как-то не принято желать человеку двухсотлетнего бодрствования. Даже писатели не решаются чрезмерно продлевать жизнь своим героям. Самым храбрым, пожалуй, был Чапек: героиня пьесы «Средство Макропулоса» жила почти три столетия.

Помню, еще в школе мы учили: все, что находится на земле, подчиняется неумолимому закону природы. Закон гласит: организованное, упорядоченное с течением времени неизбежно разрушается. Трескаются и превращаются в песок горы, размываются берега рек, приходят в ветхость турбины и небоскребы.

Лишь живые организмы сопротивляются этому процессу. Не все представляют, какую отчаянную борьбу ежесекундно ведут миллиарды живых существ планеты, пытаясь затормозить свою гибель. Восстанавливаются травмированные ткани, целые органы. У ящериц, например, отрастают хвосты, у раков — клешни, у гидры — даже голова. У человека «воскресают» клетки селезенки, легких, кишечника.

И все-таки организм стареет и умирает...

Жить вечно? Да мыслимо ли это вообще!

НИИ В МИНИАТЮРЕ

Холл лаборатории разочаровывает: на стенах — картины, на подоконниках — цветы, на сотрудниках — белые халаты.

Ничего особенного. Ощущение необычного появляется позже, когда начинаешь обходить научно-исследовательские ячейки лаборатории.

Аппаратная. Черные хоботки микроскопов. Весы. Никелированная конструкция: микротом. Это биология. Рядом — электронные осциллографы, генераторы, трансформаторы. Это уже физика.

Биохимическая лаборатория. Зал радиозащитных камер. Надев огромные защитные перчатки, миловидная лаборантка бережно опускает белую мышку на стальную платформу.

Виварий, анатомический театр, фотолаборатория.

Да это же целый НИИ в миниатюре!

«Анкетные» данные радиобиологов я собрал несколько позже, но по логике рассказа мне хочется сообщить их сейчас.

В этот вечер в лаборатории были почти все сотрудники: около сорока человек. Из них лишь 12 получали зарплату.

Средний возраст сотрудников лаборатории — двадцать пять лет.

Почти все учатся, но, если нужно, на опыт приходят за час до экзаменов.

Мне показали дежурный диван. Здесь спят те, кого «опять» подвел метрополитен...

Это сотрудники. А вот руководитель — заведующий лабораторией Михаил Филиппович Меркулов. Когда он защищал докторскую диссертацию, оппонент пошутил: «Главный недостаток работы в том, что соискатель сделал... слишком много!»

Судите сами: диссертация состоит из трех фолиантов (каждый с однотомник «Тихого Дона»), причем третий фолиант весь занят перечислением литературы, использованной в двух первых. Тысячи названий почти на всех европейских языках!

В диссертации были страницы, полностью занятые математическими формулами. А если бы Меркулов ввел в текст описание физических установок, сконструированных в лаборатории, то потребовалась бы помощь эксперта-физика. С седьмого класса Меркулов увлекается радиотехникой и теперь «на равных» с инженерами колдует в недрах электронного оборудования лаборатории.

ДРАМА ИДЕЙ

Интервью началось без обиняков.

— Вы действительно собираетесь сделать всех Мафусаилами?

Меркулов рассмеялся.

— Непременно.— Потом задумался.— Но все это не так-то просто. Суть вот в чем. Еще в начале века ученые обнаружили у живых организмов удивительное свойство — репаративную регенерацию. Оказывается, каждый организм непрерывно ведет «текущий» ремонт своих изнашивающихся от старости клеток. В молодости этот процесс идет интенсивно. А с годами разрушение начинает обгонять восстановление. И — смерть.

Идея возникла давно: а что если не дать затухнуть восстановительному процессу? Тогда организм сможет жить вечно. Представьте: вы купили автомашину и регулярно по мере надобности заменяете абсолютно все детали на новые. Сколько будет действовать автомашина?

Конечно, пример очень грубый, но...

И вот тут возникает задача номер один: все ли клетки могут «ремонтироваться»? А может, способность к восстановлению у некоторых (у мозга?) когда-то затормозилась? Нельзя ли ускорить этот процесс? Где истоки этого удивительного свойства живого?

Меркулов встал и подошел к большому аквариуму, стоящему на подоконнике. Потом уже я узнал, что профессор — страстный «подводник». В Коктебеле во время отпуска он выходит на берег только для сна и еды. А в тот первый вечер меня поразил взгляд его серых, чуть покрасневших глаз. Казалось, на эти мгновения он ушел из кабинета, силой воли очутившись в глубинах далекого моря, там, где когда-то родилась великая загадка — жизнь.

Кстати, я оговорился. Кабинета в явном виде у Меркулова нет. Есть стол и стул в общей теоретической комнате.

— Одно время,— сказал Михаил Филиппович,— большинство ученых пришло к выводу: организм может обновлять все клетки. Потом, как это нередко бывает, произошел поворот на сто восемьдесят. В послевоенные годы стрелка научного мышления замерла посередине...

...Мне приходилось бывать у разных ученых. Одни отвечают на вопросы четко, кратко, словно пишут формулы. Другие сразу же начинают беглый обстрел идеями и фактами. Третьи...

У Меркулова своеобразный метод ведения интервью. Он рассуждает вслух, сам задает вопросы собеседнику, задумывается, мечтает, что-то быстро вычисляет на бумаге. И вы незаметно втягиваетесь в процесс научного поиска, становясь невольным участником драмы идей.

— Что же делает ваша лаборатория?

Профессор быстро взглянул на часы, встал.

— Идемте.

НА МОЛЕКУЛЯРНОМ УРОВНЕ

Несколько часов назад подопытным животным дали «меченую» пищу. По кровеносным каналам радиоактивные частички устремились в бесчисленные уголки организма, туда, где идет строительство, где идет ремонт износившихся кирпичиков. Затем из тканей животного приготовили тончайшие пластинки-срезы, заморозили их и покрыли фотоэмульсией. Получилась своеобразная фотопластинка. Затем проявление — и под микроскоп. Радиоактивные элементы в процессе распада прочертили на «фотопластинке» свой след. Видите черные резкие линии? Если в структуре какой-либо молекулы есть меченая частичка, значит, эту клетку или эту молекулу организм ремонтировал.



Дискуссия — консультация. Аспиранты радиологической лаборатории Т. Гаврилова, Г. Македонов, профессор М. Ф. Меркулов, аспирант С. Ковальчук и старший научный сотрудник И. А. Поберий.

— И вы собираетесь таким методом исследовать все закоулки организма? Ведь их триллионы, этих клеток!

Профессор прищурился.

— Представьте цепь. Вам нужно узнать, выдержит ли она нагрузку. Вряд ли вы станете испытывать все звенья. Проверите самое слабое. Мы действуем по такому же принципу, только наоборот. Выбрали самое прочное звено, самое стойкое к изменениям. Если уж оно обновляется, то другие и подавно!

Это звено — дезоксирибонуклеиновая кислота. Сокращенно — ДНК. Природа не случайно сделала молекулы ДНК самыми устойчивыми. Ведь они носители наследственных свойств организма. ДНК — нечто вроде эстафетной палочки, которую поколения бережно передают друг другу.

Если окажется, что организм способен подновлять даже свою ДНК, вопрос о регулировке длительности жизни станет реальной научной проблемой.

ГАРМОНИЮ — АЛГЕБРОЙ

Беседа закончилась в первом часу ночи на улице. В последние минуты разговор, как обычно, коснулся земных проблем: приборов, помещений, кадров.

При упоминании о кадрах в глазах Меркулова загорелись боевые огоньки.

— Это наш самый больной вопрос. До сих пор наука шла по пути специализации. А наиболее сложные вопросы — на стыках наук. Сотрудникам нашей лаборатории, например, необходимо знать математику и физику, химию и генетику, цитологию и биохимию. Не говоря уж о чисто медицинских предметах. Но таких универсалов нигде не готовят. Три-четыре года мы убиваем на переподготовку. У нас есть идея — создать в институте специальный факультет. Известно: биологи и медики мыслят в основном качественными категориями, физики и химики — количественными. Хотелось бы, чтобы выпускники этого факультета могли «поверять алгеброй гармонию» и ощущать алгебру как гармонию. Для этого — максимум лекций по математике. Как в техническом вузе! И, наконец, предельная свобода для инициативы: посещение лекций по выбору, досрочные сдачи любых предметов за любой курс.

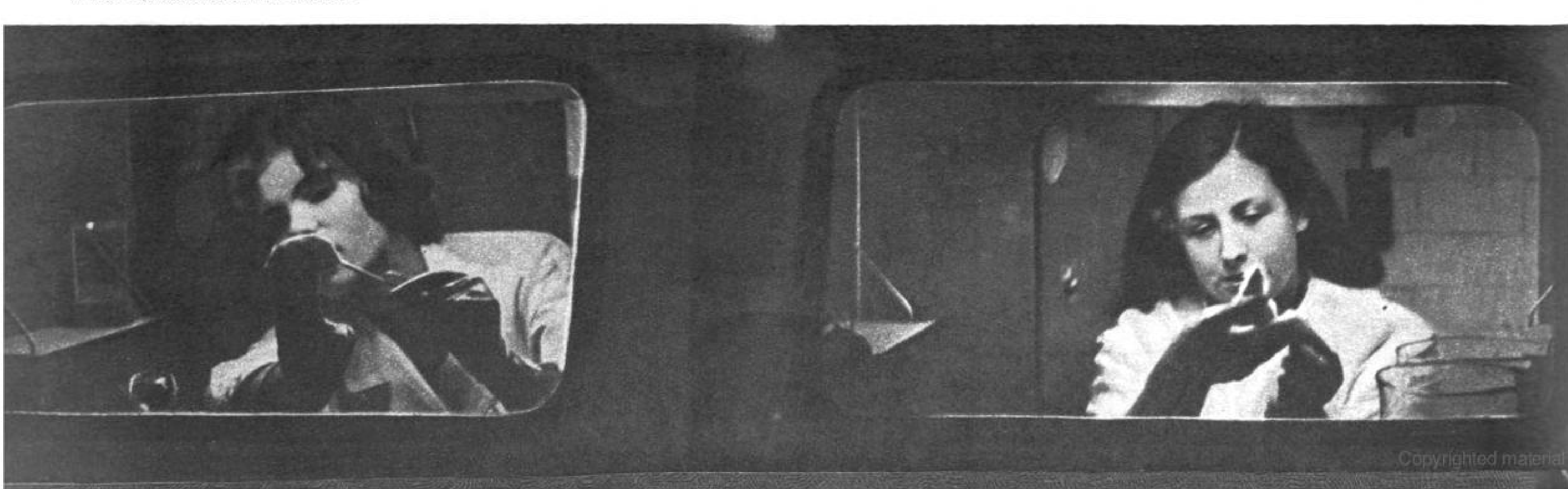
ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Недавно я снова побывал у профессора Меркулова. Со дня первой встречи прошел почти год. Что изменилось на Малой Пироговской?

Прежде всего родился факультет. Тот самый — медицинской биохимии и биофизики, контуры которого рисовал Михаил Филиппович. У сотрудников радиологической лаборатории прибавилось забот: преподают на новом факультете. Зато увеличилось и число энтузиастов: лаборатория официально признана производственной базой пятидесяти счастливчиков первого набора.

А как обстоят дела на главном участке — исследовании стабильности ДНК?

В мире радиозащитных камер.

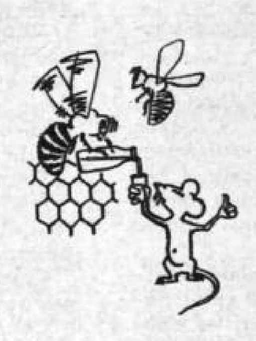


Как и предполагали ученые, задача оказалась чрезвычайно сложной. Но ключик к ней они все же подобрали.

Логика рассуждений была примерно такой. Сама клетка может лишь синтезировать новые молекулы ДНК и передавать их «дочерней» при делении. Свои собственные ДНК клетка не ремонтирует. Но, может быть, в этом процессе участвует мозг? А если так, то не удастся ли заставить его активно обновлять ДНК?

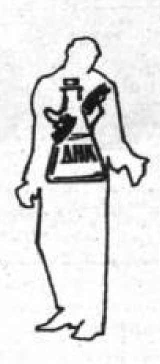


В лаборатории профессора Меркулова был поставлен опыт. В организм мыши ввели меченый тимедин — один из основных материалов, который использует клетка при синтезе новой ДНК. Затем у животного удалили часть печени. Оставшаяся часть начала интенсивно восстанавливаться. Это была своеобразная реакция на травму. И вот что важно. В структуре вновь созданных молекул ДНК ученые обнаружили... меченый тимедин!



Откуда он взялся? В самой печени его быть не могло. В нормальном состоянии ее клетки не делятся. Ответ может быть только один: поврежденный орган послал в мозг сигнал «SOS». И мозг отдал клеткам других органов приказ выделить для печени часть тимедина.

Итак, мозг вмешивается в строительство неприкосновенной ДНК. А значит, не исключено, что со временем с помощью мозга удастся «ремонтировать» состарившиеся молекулы.



ПРЕДВИДИМОЕ БУДУЩЕЕ

— Михаил Филиппович, друзья и знакомые терзают: когда?

Он улыбнулся.

— Пусть потерпят. Напомните им историю с атомной энергией. Начали несколько человек. А реализация затянулась на десятилетия, потребовала усилий сотен тысяч людей. Думаю, с бессмертием будет посложнее. Правда, и наука теперь не та.

— Но что-нибудь реальное есть?

— Кое-что. Ученым, например, удалось продлить жизнь мышей в два раза: вводили маточное молочко пчел. Что, как, почему — неизвестно. Типичное случайное попадание: результат получен, а механизм процесса неясен. Но факт остается фактом.



Мы ищем пути вмешательства в этот процесс. Один из наиболее вероятных — введение в организм специальных химических веществ. Не исключено и физическое воздействие. Например, вживление в организм электронных стимуляторов — на манер применяемых сегодня в хирургии сердца. Все это, конечно, предвидимое будущее. Сегодня найдено главное — уверенность, что живой организм, и в том числе человек, может жить триста, четыреста, пятьсот лет, вечно.

Рисунки В. Брюна

Правда, скептики усмехаются: «Поликлиника омолаживания в нашем столетии?!»

Но вспомните: заявления с просьбой послать в космос начали поступать в Академию наук тогда, когда о спутниках мы читали лишь у фантастов.

Но спутники-то летают!


После очередного опыта — назад в родные пенаты.



*«...От Мургаба до Хорога
скверная дорога».*

Памирское присловье

Ефрейтор Корень, или, попросту, Женька Корень, собирался домой. Искупался в гранитной чаше, наполненной горячим нарзаном, и теперь сушился на ветру.

Он стоял недвижимо среди скал, черный, как из чугуна, широкий в кости, рослый.

На одной ноге Женьки можно прочесть, если приглядеться: «Не торопись работать». На другой: «Не опаздывай к обеду».

Это память о детдоме.

Женька морщит нос, как всегда, когда расстроен.

Нос у Женьки вызывающий: переносица приплюснута, как после аварии, ноздри задраны,— не вниз глядят, а вперед. Страхолюдный нос. Торчащий, с трепещущими красными ноздрями, он придает круглому и закоптелому, как сковородка, лицу Жени выражение веселое и простецкое. С таким носом не возгордишься...

...Далеко внизу, под ногами Женьки, бьется о скалу Пяндж; плетет в тесноте свои пенистые русла, как косички, тоненькие, не сразу пересчитаешь, таджикские косички.

— Гульно-ор!— крикнул Женька.

— О-о!..— отозвался Памир.

став ездят к Редькову учиться хозяйствовать.

Запах шашлыка обостряет давнюю неприязнь Корня к Редькову. В прошлый раз он привозил на заставу кинооператора таджикской студии. Редьков руками развел: «Позвонили бы из Хорога — поросенка б зарезал!..»

А то не звонили! Знает Редьков, когда резать, а когда обойдется и так.

Корню стало тогда обидно за кинооператора, и он выпросил у старшины кролика; едва они отъехали от заставы, зажарил кроля на камнях во славу киноискусства.

Кинооператор обгладывал кроличью ножку, искренне жалея, что не сумел заснять для киносборника Редькова-хозяйственника. «Живая жизнь уходит, как вода в решете,— сетовал он.— Капитан Редьков на коне, как Петр I,— снял. Редьков возле ищейки — заснял. А вот как Редьков над кролями шефствует... Ай-эй, зачем крадем Редькова у зрителя?.. Кроли ведь не укор ему, ветерану!»

...Корень отрулил во дворе заставы к коновязи. Коновязь — из толстущего бревна, обмотанного проволокой, чтоб кони не грызли. Сено сложено под навесом, сухое, пахучее.

«Все у капитана Редькова, как штык. Хозяин! Если б не «ЧП» со старшиной...»

Старшина у Редькова был атлетом.

Мало Редькову образцового хозяйства, хотел, чтоб и старшина был начальству на диво — рекордсменом-штангистом.

Старшина по утрам штангу так и этак: на высоте, оказывается, это не всем здорово...

Солдаты чистили коней молча, жалели своего капитана, которому, говорят, от командования не поздоровится.

«Так ему и надо!»

Григорий СВИРСКИЙ

Рассказ

Рисунки С. БРОДСКОГО.

КОРО

— Гульно-ор!— повторил Женька в сторону ближнего, за Пянджем, хребта.

— О-о!..— посочувствовал Афганистан.

Женька натянул свою пропыленную солдатскую одежду, сел за руль «газика». У поворота его остановил дозорный в широкополой панаме, с автоматом через плечо.

— Ты что, Женька? Так втюрился, что голову потерял! Вот доложу, что ты орал в сторону сопредельной стороны...

Женька молчал. Ему сейчас было все равно. Хочешь докладывать — докладывай.

— Раньше из того кишлака девчат крали,— наконец заговорил он. Голос у Женьки приглушен.— Свяжут ее — и на верблюда. В Индию. Говорю ей: не поедешь со мной — украду. Она, знаешь, что отвечает? Неморально. А? В Индию, значит, морально. В Вологду — неморально.

«Газик» развернулся, словно конь, вставший на дыбы. Почти на одном месте. Ринулся вниз, как в пике. В сырое и холодное ущелье, крытое ветреным розоватым небом. Покрышки со звоном выстреливали камни, летящие в пропасть.

Проскочил заставу Редькова, где заправка горючим. Вернулся.

Капитан Редьков бежал к распахнутым воротам, маленький, в высокой не выгоревшей еще зеленой фуражке, сапоги надраены — смотреть больно. Вскинул руку к козырьку как-то нервно, неуверенно, локоть опущен. Разглядел наконец, что в машине только шофер, от досады фуражку на затылок сдвинул.

От кухни доносился запах горелого шашлыка. Солдат с закатанными рукавами разделывал свиную тушу.

У капитана Редькова хозяйство: огород, свиньи, кролики. Редьков подкармливает заставу свежим мясом, овощами. Начальники за-

...В Хороге Корень подрулил к столовой, где его ждали за накрытым столом дружки-шоферы. Друзья взяли с Корня клятву, что в Хороге он больше за руль не сядет: сколько шоферов Памира разбилось во время «прощальных ездок»!

— Хоп! — по-таджикски клялся растроганный вниманием Женька.— Что я, враг себе? Да отсохни мои руки!.. Хоп! Хорошо!

Однако все сложилось иначе.

На Хорогском аэродроме в тот день встречали профессора — специалиста по грудной хирургии. Из Москвы. О его приезде памирский погранотряд предупредили специальной шифровкой. По телефону было добавлено: «Мировая величина. Встретить, как бога!»

Бог оказался петушистым костлявым стариком и, сразу видно, штафиркой, то есть человеком глубоко штатским: волосы цвета овсяной соломы, длинные, как у дьяка. Свалявшиеся концы их заложены за оттопыренные уши. Широкий белый китель на прямой, точно гладильная доска, спине трепещет, как знамя. В руках — посох из черного дерева.

Солдаты тут же поняли: прилетел не обычный командированный — из самолета выгрузили ящик с пивом. Из Душанбе пивко!

Пронзительный, неистовый голос старика не умолкал с той минуты, как только выяснилось, что на дальнюю заставу воздухом попасть нельзя.

— ...На Памире нэт под рукой самолета?!— Он произносил звуки с акцентом кавказца, резко и твердо.— Бараньи головы! Лучшего шофера — и быстро!

Начальник тыла погранотряда объяснил почтительно, что у пограничников все водители отличные, как на «Скорой помощи».

— Лучшего!..

Пограничники, привыкшие ко всяким неожиданностям, переглянулись растерянно:

лучшие шоферы возили в те дни инспекцию из штаба округа.

— Если б Корня...— тихо заметил кто-то из офицеров.— Куда лучше! Король памирских шоферов!

— Корень демобилизовался,— нервно отозвался начальник тыла.— Что?.. Он еще здесь?

— Корня!— воскликнул профессор.— Непременно! Завтра к девяти...

Как-то боком, неуверенно, вышел вперед офицер, предложивший шофером Корня. Лицо его, измученное, серовато-белое, с крупными порами, как из куска пемзы, обратило на себя внимание профессора.

Офицер молчал, вытягивая руки по швам.

— Вы хотите что-то сказать?— резко спросил старик.

Офицер торопливо кивнул, наконец произнес почему-то шепотом, что его фамилия Саенкин и что он приехал специально, чтобы встретиться с профессором: послезавтра оперируют его, Саенкина, жену. Боятся за исход: сердце у жены никуда. Не может ли профессор...

— Где больная?— перебил старик.— Где?!—вскинулся он.— Вы что, хотите, чтоб я остался тут навечно?

Офицер молчал: в их городишке действительно не так давно умер приезжий артист. Тенор. Воздуху не хватило. Взял ноту повыше и упал. Прямо на сцене.

— ...Я домой, в Горную Шорию, перестал ездить! — возмущенно продолжил старик.— Аул на высоте тысяча семьсот метров всего-навсего!..

Он отвернулся от офицера; тот густо побагровел и отступил назад, за чью-то спину.

будем, товарищ профессор. Мы к Редькову.

С неделю дул афганец; он дул все сильнее, срывая красноватый лесс долины.

Ущелье стало багровым. Небо едва проглядывало. Пирамидальные тополя трепетали.

— Ничто, товарищ профессор!— Корень пристегнул к машине верхние боковинки из брезента и желтовато-тусклого плексигласа.— Афган дует, служба идет...

В городе у чайханы толпились «прописавшиеся» там пенсионеры в белых праздничных чалмах. Один из них издал вдруг какой-то горловой крик, точно птица, чующая опасность.

— Хоп! — весело крикнул ему Корень.

Оказалось, старый таджик проводил Корня древним напутствием горных проводников:

— Не спеши в ад!

Ад начался тут же. За Хорогом.

Зеленая, в серых прожилках базальта скала словно бы курилась. По ее склону оседала черная, как каменный уголь, осыпь. Вот покатился, вздымая пыль, один черный обломок, другой; они скользнули перед самым радиатором «газика», канули в бездну.

Старик вцепился обеими руками в железную скобу у приборного щитка.

— Ничто, товарищ профессор! У меня на осыпь глаз верный.

Дорога сузилась, обвила скалу кольцом, повиснув над сырым, без дна ущельем. Точно кинули ее на скалы, как лассо, поймали и затянули одну из самых гордых вершин пятикилометровой мертвой петлей.

«Неприступный пик и тот обуздали... Кишлак Гульнор всего в сорока минутах. Давеча

— Ничто!

Но вскоре и сам заерзал на сиденье, привстал.

— Что такое, Женя?

— Автоинспектор.

Профессор не различал никого, как ни вглядывался.

Скрипнули тормоза. Только сейчас он увидел: поперек дороги растянулся бурый, в облезинах ишак. Длинные уши его достают до выщербленной взрывом скалы, хвост болтается над пропастью.

Профессор засмеялся тоненьким, дребезжащим смешком. Многое позволяют себе шоферы Памира!..

«Автоинспектора» пришлось оттаскивать в сторону за хвост. Он отнесся к этому спокойно, словно бы и не его тащили.

Но далеко не уехали. За глухим поворотом, на камнях у самого обрыва, лежал вверх колесами грузовик. Возле него суетились с тросом в руках рабочие в выгоревших кепках.

— Счастливый авария!— приговаривал молодой таджик с ободранной в кровь щекой.— На «примусе» убились уже два шофера. Я третий...

И верно, быть бы грузовику в Пяндже, если б не шелковица и короткая с обломанными сучьями арча, росшие над обрывом. Деревья придержали машину, и она повисла, полуопрокинувшись, над Пянджем, который рычал внизу зверем, ждущим добычу.

— Какой счастливый авария!.. Э-эй!— крикнул он вдогонку Корню.— Автоинспектор на своем месте?..

ЛЬ ПАМИРА

Привезли Корня. Он задержался у входа, расправляя привычным солдатским жестом выгоревшую добела гимнастерку с зеленой полоской на погонах.

— Бывший ефрейтор, а ныне рядовой советский гражданин Корень прибыл!

Начальник тыла хотел заметить строго, что Корень пока еще человек военный. Ефрейтор. И останется им, пока не сдаст воинские документы в своем районном комиссариате.

Но, поразмыслив, решил поступить иначе — шагнул к нему, объяснил спокойным тоном, зачем его позвали.

Корню ехать смерть как не хотелось. Что он, единственный шофер на Памире?

Начальник тыла знал, чем взять такого парня, как Корень.

— Вот как!.. Бросаешь товарища в беде? Больного товарища?!

...Утром Корень подал свой промытый горным потоком, в брызгах и убранный ковром вездеход к гостинице погранвойск. Профессор брился, сидя на железной койке в окружении офицеров-пограничников, вызванных по разным делам в штаб отряда. Отключив бритву, профессор притих в тревоге.

— Дождь?

Все услышали вдруг, как шумит под окнами Гунт, перекатывая камни. Старик налил дрожавшей рукой воду из графина. Вода белесая, из Гунта, пить ее не рекомендуют; врачи говорят: бывает какой-то лямблиоз. Старик выпил стакан залпом и утер губы ладонью, как после водки.

«Поладим с ним...»— подумал Корень.

Укладывая свой полупортфель-получемодан из толстой кожи, старик спросил как бы вскользь, не захватить ли им кислородные подушки. В дорогу.

Вот чем встревожен старик!..

— Мы выше трех тысяч подниматься не

за полчаса домчал... Опять будет насмешки строить?.. Ну, нет! Выбрось из головы! Приткнешь «газик» у Редьковой коновязи — и до утра. Пусть осыпью завалит, если хоть одним глазком! Выбрось, говорю, из головы!»

Слепит белым огнем пенный поток. Перерезав дорогу, вышвыривает на нее темные, словно пропитанные нефтью, камни. Голубая вспененная вода срывается с дороги водопадом.

Корень произнес хладнокровным тоном присловье Гульнор:

— Высока вода, вьюки подмочим...

И зло, в досаде на себя:

— Ноги выше!

Старик вскинул длинные, согнутые в коленях ноги к смотровому стеклу; вездеход, взревев, затрясся по каменистому дну. Камень, влекомый рекой, звякнул о дверцу. Еще раз. Еще. Вода забрызгала стекла, разлилась по кабине, поднимаясь все выше. Забурлила вокруг машины.

— Господи!

Поток ударил в смотровое стекло под углом, как из брандспойта. Ничего не видно вокруг. Будто с головой нырнули. И мотор вдруг: «Трах-трах!..» Корень, откинув ковер на сиденье, схватился за рычаг передачи переднего моста.

— Го-ос!..— вырвалось у старика уже с откровенным страхом.

Когда машина выбралась наконец на сухие камни, оказалось, ее отнесло в сторону почти на метр; вода срывалась с обрыва у самых колес.

Корень уселся поглубже, повел влажными от брызг плечами.

Старик забеспокоился, завертелся.

— Могли убиться, Женя? Да?

Женька никак не мог взять в толк, о чем беспокойство.

Впереди опять сочится сквозь темные камни дороги ледниковая, брызжущая солнцем вода; кажется, вот-вот она размоет камни.

Корень включил передний мост, вползая в горный поток так, словно бы он пробовал вначале раскаленными шинами воду, не холодна ли для профессора.

— Правэе, Женя!

Корень хотел было взять правее, но... ни к чему вроде. Вопросительно взглянул на профессора.

Серую, в пыли, дьяконскую гриву старика разметало во все стороны. Откуда только не торчат волосы! Из ноздрей, из ушей. Весь он топорщится на ветру, взъерошенный, наливаясь густым бураковым цветом. Он не отводит выпуклых слезящихся глаз от дороги, словно он, а не Корень ведет машину.

— Гуди, мальчик!

Корень положил ладонь на черную пуговку гудка, развернулся, сигналя и пугая тучных памирских сорок.

«Чудишь, старый!..»

Он знал «слепые» повороты, как свои пять пальцев. Помнил, где надо сигналить, чтоб не врезаться во встречную машину; тут это ни к чему: встречная задолго обнаружит себя столбом желтовато-красной пыли, поднявшейся над гребнем поворота. Пыль не оседает долго, держится в воздухе плотным грибом, наверное, поэтому поворот назвали атомным.

— Левэе! Гуди!

Корень вздохнул поглубже, чтоб промолчать. Этому майор Саенкин его научил, комендант. «Хочется перечить, Корень, вздохни, как перед рывком гири».

Старик привстал, чтоб лучше разглядеть скачущую перед смотровым стеклом дорогу.



— Сколько осталось?.. Как называется ущелье?..

— Ущелье Акба,— флегматично произнес Корень и неожиданно для самого себя добавил мстительным тоном:— Если греметь вниз, то восемьсот метров без отдыха...

Крутой, как по отвесной стене, вираж, заднее колесо повисает над обрывом, камни шуршат с откоса.

— А это — ущелье «Прощай, любовь»,— подчеркнуто невозмутимым тоном поясняет Корень, не глядя на старика.— Года два назад свадьба сюда рухнула. Жених, невеста, гости дорогие. Все к чертовой бабушке!— добавляет он с внезапным и пугающим старика ожесточением.— Привет!..

Каждый поворот, каждое ущелье, оказывается, носят, кроме официально-географического, еще и шоферское название. Половина из этих названий начинается со слова «прощай» и имеет свою историю.

— Гу-ди!..

...От капитана Редькова возвращались на другое утро. Редьков открыл ворота сам, руку к козырьку вскинул бодрее: болезнь у старшины нашли не такой тяжелой, как думали местные врачи. Во всяком случае, разрешили больного транспортировать.

Профессор угощался недозрелыми вишнями из редьковского сада. Они лежали на его коленях в тюбетейке. Посматривал на пыльную дорогу в тоске. Взгляд его упал на боковое зеркальце «газика». В нем отражалось торопливо выбритое, в порезах, лицо шофера. Неподвижное, темное, с острыми скулами. Как из скалы вырублено. Надежное. Но эти ноздри. Какие-то... рваные ноздри, каторжные.

«Ох, довез бы!..»

Из-за дальнего валуна поднялся пограничник в широкополой панаме, с автоматом на плече. Точно из-под земли вырос. Кинулся к дороге, продираясь сквозь заросли колючей облепихи.

Пограничник был озабочен чем-то. Он держал в руках телефонную трубку. Включив ее в невидимую на скале розетку, доложил, что профессор здесь.

Профессор поднес к уху протянутую ему трубку; на обвислых щеках его выступили розоватые пятна.

— ...Вы кто? Начальник тыла? Я при вас сказал: нэт!.. Нэвэроятно, что вы меня просите об этом!.. Там есть врачи?.. Да не может быть и речи! — Он рывком вернул эбонитовую трубку солдату.

— Вперед, Женя! И... не спеши в ад!..

Вытер платком лицо, сказал возмущенно, что его опять просят поехать... Знаете куда? В Мургаб!.. Что? В Мургабе оперировали больную. Какую-то Саенкину. Сдает сердце...

Корень так затормозил, что профессора кинуло головой к ветровому стеклу.

— Это же... знаете кто, товарищ профессор? Жена майора Саенкина?

— Пусть бы даже афганского короля!

— Да это же самого майора Саенкина... Коменданта Мургаба! Галя! Да мы с ним, знаете... — Он замолчал. Разве расскажешь о том, как они с майором Саенкиным двое суток гнались по горной тропе за контрабандистами?

Машина осталась внизу, на дороге. Обессилели, ватник, ремни — долой. Саенкин ногу зашиб, сапог скинул и — по леднику босой.

После того случая сдавать начал майор. Както разговаривал по телефону и смолк на полуслове. Телефонист услышал: разговор прервался, в трубке детский плач. Сообщил дежурному. Тот прибежал на квартиру командира. Трубка на полу. Командир в глубоком обмороке. Сынишке его пять лет, слезами исходит возле отца.

Другого уж давно бы перевели вниз, на западную границу. А майор и рапорта не подавал...

«Это не Редьков!..»

Мысль о Редькове вызвала у Корня чувство досады; он пристукнул кулаком по рулю.

Редьков всю погранслужбу провел в Ленинграде, в управлении, да в Одесском порту. Отправили на Памир — и тут в Мургаб не попал, остался в долине у самого последнего деревца. На двадцать бы метров выше и — все, лунный пейзаж...

Корень не понимал — именно это больше всего раздражало его в Редькове. Заставляло

вспоминать о нем. Из-за таких, как Редьков, казалось ему, Саенкин шестой год в Мургабе. Бессменно.

— Саенкин, он... безответный,— вырвалось у Корня с такой нежностью, что профессор невольно пригнулся и заглянул в его такое, думалось, простецкое лицо.

— Так! А почему мы остановились?..

— Товарищ профессор! Помрет Галя. Она майору первая опора... Что? В Мургабе кислороду нет? В Мургабе кислороду полна санчасть, товарищ профессор. Три баллона!

...Знали бы вы ее, товарищ профессор. Вечером придет в казарму. Веселая. Играет на скрипке. Она в Ленинграде в оркестре была первой скрипкой. Без Гали что б делали? В «козла» забивали, по десять раз одно и то же кино вертели б...

— Позвольте, а местные как же?

— Местные? Так же, как и мы. Кое-кто из них еще и спиртиком балуется...

— Спи-ртиком?! В Мургабе пьют спирт?

— Потребляют, товарищ профессор.

— Там это смерть!

— Ничто, товарищ профессор. Живут!.. Вы сосните, товарищ профессор. Проснетесь часика через четыре — и в Мургабе...

— Заводи! К Хорогу! Завтра в девять я должен быть в Москве.

Вездеход затрясся по камням, как телега. На пригорке мотор заглох. Заскрежетали тормоза.

— Что такое?!

— Не тянет, товарищ профессор. Моторы здесь, на высоте, теряют, понимаете, двадцать процентов мощности. Чуть перегрел — поршни летят. Только люди одни выдерживают. И то не все... сами видите... Товарищ профессор,— заговорил он быстрее, громче,— не заметите, как будете там... Ватник подоткну вам под бок. Как по воздуху долетим! Скоро ошский тракт. Как стрела, тракт. Почти.

И потом, в Хороге спать вам мука, товарищ профессор. Там мошки, искусают за ночь, ногтями все тело раскровянишь... Что? В Мургабе мошки? Там даже мух нет.

А Гунт-то как грохочет, помните?.. Давеча вы его за дождь приняли.

А в Мургабе тишь. Выспитесь за милую душу.

Старик сидел неподвижно, вроде бы не слыша ничего. Большие припухшие глаза его смотрели куда-то в сторону.

Машина дернулась вперед рывком, точно Корень не перевел рычаг, а со злостью ударил по нему. Профессора отбросило на спинку сиденья.

— ...По дороге в Мургаб мы сможем достать консервированную кровь? — внезапно спросил он надтреснутым, хрипящим голосом.

Корень остановил машину.

— В Лянгáре! В Лянгáре, товарищ профессор! — вскричал он. Вездеход его рванул с места и пошел задним ходом, словно по автостраде, на скорости. Сделал вместе с дорогой петлю. Еще быстрее.

— В-вы что?

— Не сомневайтесь! Не сомневайтесь, товарищ профессор,— заохал Корень в восторге, стоя одной ногой в кабине, другой — на подножке и глядя назад, на расширяющуюся вдали дорогу.— Сейчас развернемся!.. Одну минутку...

Развернулся у гранитного валуна, крикнул невидимому пограничнику, чтоб передал на заставу: профессор будет в Мургабе.

— Бу-удет! — Педаль газа придавил своим огромным сапогом до отказа.— По-орядок!..

Вездеход занесло на повороте со скрежетом, тучи красноватой пыли из-под колес обогнали машину, сырые бока ее словно в броню оделись. Ничто ее не возьмет.

Проскочили одну заставу, другую, несколько вышек. Все шлагбаумы открыты...

Стало вдруг сыро. Даже стекла запотели. Туман? Облако? Пробили белесую сырость, и вот оно, гнездо надоблачное, орлиное. Кишлак Гульнор.

Кишлак ослепительно бел, промыт ледниковой водой, которая хлещет в арыках все вниз и вниз. Кипящей голубой воды вокруг столько, что, думается Жене, нет на земле места чище. Да и садов не встречал гуще, чем здесь,— на узкой гранитной террасе лепятся друг к другу шелковица, орешник и цепкая памирская яблонька; ее серые корни сползают к лежавшему гораздо ниже камню и, обвив его, тянутся еще ниже, к рыжеватой земле, которую Гульнор носила сюда на плечах в плетеной корзине.

Корень положил ладонь на пуговку гудка, давил на нее изо всех сил, пока не проскочил весь кишлак, распугивая гусей, овец, индюков.

Афганец ослабевал. Из ущелья Вахана, ведущего в Индию, тянуло прозрачным сухим теплом. Шелковицы зеленели вдоль дороги гуще, раскидистее. За ними открывалась долина. Солончаки поблескивали на солнце, точно побурелые льдины; на льдинах этих темнели заросли неприхотливой селистрянки.

За ближним — афганским — хребтом с остатками зелени на крутых склонах серел другой, со снежными оползнями,— пакистанский. За ним высился гордо слепяще-белый и острый индийский пик...

— Что за место дивное?.. Где мы?.. Где? Я к вам обращаюсь! — повысил голос профессор.

Корень не сразу понял, о чем спрашивают.

— А?.. Афганский коридор, товарищ профессор. Сразу три страны — вон они... Тут микроклимат, товарищ профессор. Все цветет, как внизу, на плоскости...

Когда он возил сюда Гульнор? А, прошлым летом! К ее родичам. Она говорила, здесь надо открыть курорт. Обязательно. Сочинила даже письмо об этом. В Душанбе послали. Авиа.

Возле больницы, заворачивая в ватник ампулы с консервированной кровью, Корень произнес глухо, как через силу:

— ...Здесь бы курорт поставить, товарищ профессор. А? Сказали бы в Москве, кому надо... Сами видите, природный аэродром — вот он. Это раз; горный воздух — два. Фрукты от пуза. За это ручаюсь. И молоко ячих, кутасов по-здешнему. Десять процентов жирности.

Да не простой курорт! — воскликнул он, оживая от одной лишь мысли, что сможет помочь Гульнор. А потом через много лет пришлет ей письмо: так, мол, и так. Хорошо ли тебе на нашем курорте? — Международный курорт! Вот какой!

Картинку можно такую нарисовать, товарищ профессор! Рекламу, значит. И по всему миру развесить. Прихлебывает, значит, молочко девочка, косы до пят, таджичка! Глядит в окошко с видом сразу и на Индию, и на Пакистан, и на Афганское королевство...

Это ведь не какая-нибудь Швейцария, товарищ профессор. Па-мир! Крыша мира!

Немножко грошей отпустить, и что тут станет? Агитпункт всей советской Азии. А? Пропадает зря агитпункт, товарищ профессор.

Возле невысокого, в густой пыли тополька Корень притормозил.

— Все, товарищ профессор! Взгляните последний раз на деревья. Через тридцать метров их как корова языком слизнет...

«Газик» устремился к небу свечой, развернулся у края пропасти в крутом вираже. Еще несколько фигур высшего памирского автопилотажа — и позади сыроватая теснота ущелий Западного Памира. Мелькнуло последнее изогнутое ветрами деревцо, и сразу, без перехода, каменный хаос. Точно здесь потрудилась гигантская камнедробилка, работавшая века. Горы, валуны, щебень; многотонные каменные глыбы точно исторгнуты из земных недр взрывом.

— Как после атомной войны,— усмехнулся Корень.— Был бы внизу, под боком, тот самый курорт международный, возили б сюда койкого. Опять же польза...

В стекла сыплет изжелта-красноватый песок. Машина аж стонет, вихляя в заметенных песком колеях. Корень положил локти на руль, как всегда, когда подолгу выжимал газ «на всю железку».

Вот уже побурелый, ноздреватый снег над головой; еще час, и он у колес. А выше он вздутый, слепящий, как глазированный. Лежит на острие гребня. И белыми реками стекает в лощину.

Корень остановился, подоткнул с обеих сторон старика шапку-ушанку, чехол, ватник, чтоб не бросало старого из стороны в сторону.

Ветер принес откуда-то горьковатый полынный запах пустыни. Тревожный запах. Успеют в Мургаб? Нет?

Но вот и земные запахи остались внизу. Ветер чист, колюч. Дистиллированный ветер высоты.

У высохшего озерца перебежал дорогу кулик. Мчится, как курица. Даже не подлетнул, словно крыльям не на что опереться.

Вездеход ревет. Круто и медленно забирает вверх — тяжелой ракетой, только-только оторвавшейся от земли и еще не набравшей скорости.

Яркое летнее небо постепенно темнеет. Уже не голубое, даже не синее. Фиолетовое. Корню всегда казалось: еще перевал, и откроется черная бездна космоса, «гагаринское небо».

Крутые космические пропасти внизу.

Корня охватило привычное, по-прежнему острое чувство приближения к космосу.

— За поворотом планета Марс, товарищ профессор. Марсиане, увидите сейчас, живут в киргизских юртах.— Корень взглянул на старика, насколько мог, весело.

Профессор подскакивал на сиденье, держась обеими руками за скобу перед собой и... закрыв глаза. Он смежил желтоватые морщинистые веки с силой, как дети, играющие в жмурки.

Корня пронизало острое чувство благодарности к старику.

«Щурится, а молчит...»

На ледяном перевале машину задержало половодье баранов. Блеяние заставило старика в изумлении открыть глаза. Земные звуки!

И тут же, заглушив земные звуки, рванули скалы звуки страшные, «космические», словно на метеор налетели.

Корень вертанул шеей, как летчик в воздушном бою. Камнепад? Лавина? Грохот затих мгновенно, как ветром унесло.

Вот оно что! Раскололся валун, упавший прошлым летом с вершины. Не выдержал «перепада» температур. Треснул, что куриное яичко.

Сколько ни успокаивал Корень старика, в слезящихся, красных глазах того застыло удивление и тревога. Не сразу Корень заметил, что они глядели не на скалы. На спидометр.

Стрелка на спидометре неизменно дрожала около цифры «тридцать».

— Не обращайте внимания, товарищ профессор. Это я так на заставе отрегулировал. Чтоб вам было спокойнее.

Профессор снова закрыл глаза. Молчал, поеживаясь: дуло с ледников.

— А зимой... здесь... тоже так... ездят? — Посинелые губы профессора произносили слова с трудом.

Корень усмехнулся. Зимой... И впрямь маятное дело. Пурга. Снега на смотровом стекле наслонится — «дворник» не берет.

...Цепи? Цепи на всех четырех колесах, а толку чуть. Лед на дороге намерзает-то к обрыву накатом. Забуксуешь, скользнешь вниз, аж мороз по спине. Успеешь вывернуть машину задним ходом к скале — живи дальше.

— Ничто, товарищ профессор! Ездим!.. Иногда, конечно, застрянешь — помощь зовешь выстрелами.

Высотомера на вездеходе не было. Но Корень и так знал: высота около пяти тысяч. Хоргум прошли. Во рту сухо. Не дай бог, колесо полетит.

Костлявое, высохшее лицо старика в густой пыли. Вроде мумии. Такие мумии выкапывали у Ванча. Царями они были раньше, кажется...

«Царь-то доходит...»

Корень принялся рассказывать, как он ловил прошлой зимой «нарушителя»...

— Стой, руки вверх! — кричу, и очередь из автомата. Из-за скалы высунулась бурая медвежья морда: «Р-р-р!»

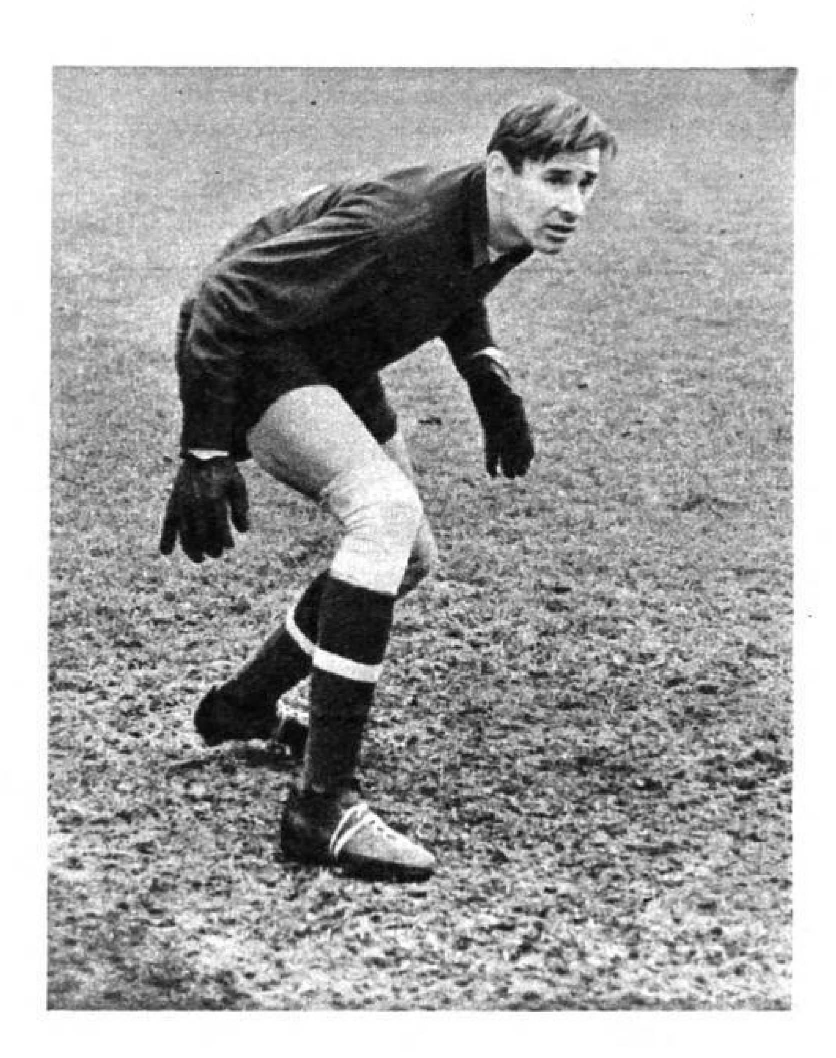
Старик засмеялся тоненьким каким-то голоском, детским. Ровно сидит за стариком, у дверцы, ребенок и смеется-заливается.

Держись, старик!.. Сейчас выскочим на тракт...

Корень вывернул машину на последний поворот и ругнулся в отчаянии.

Дорога завалена. Пыль еще не улеглась. Видно, только что прошуршала осыпь. Кинулся к груде, стал отбрасывать горячие, острые на изломе камни.

Он выпустил из виду старика всего на какую-то минуту, и чуть не стряслось несчастье. Старик заспешил к нему на помощь, поднял валун и, прижимая к животу, отнес в сторону.



ЛЕВ ЯШИН

В жизни каждого человека неизбежен такой момент, когда приходит время передать свой пост другому, а самому отойти в сторону. Есть даже такая теория, что это надо уметь делать вовремя. А я с теоретиками почетной отставки не согласен. Нет, я с теми, кто вопреки всем доводам не отходит в сторону, продолжает борьбу. Я поднимаю тост за тех, кто в поле!

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

Запорожские казаки — кинодраматургам и режиссерам

«Числа не знаем, бо календаря не маем, мисяць у неби, год у кныжи, а день такий у нас, як и у вас...»
Так писали запорожцы. Много у них было и других слов, а я хочу только сказать в эту новогоднюю ночь: братцы, неужто нет уже пороха в пороховницах и неужто нельзя сочинить такую штуковину, чтобы от смеха хватались люди за животы, як на этой картинке?



Ощутил вдруг сухими губами — нет воздуха. Вовсе нет! Все пропало вокруг. Только горный ветер, рыхлый снег и такое сердцебиение, что пришлось опуститься на колени, прилечь у колеса...

Профессор лежал на спине, пытаясь унять сердце, прислушиваясь к тому, как щелкают где-то возле него отбрасываемые камни; думал о дочери, которая называет его заводным и сумасшедшим.

Разве не сумасшествием было ехать в Мургаб!..

«Повернуть, пока не поздно...»

Он сел, поддерживаемый Корнем, на свое место, сутулясь, хватая воздух открытым ртом.

— Порядок, товарищ профессор? — на всякий случай бодро спросил Корень, берясь за руль израненными и серыми, в гранитной крошке руками.

Профессор вяло кивнул.

Давно уж вокруг ни деревца, ни кустика. Только непривычные взгляду зеленые памирские «подушки», будто мох, да жесткий, стелющийся по земле терескен, да сурки у дороги. Стоят на задних лапах желтыми столбиками.

Не выпуская руля, Корень потянулся к автомату, пристроенному сбоку машины в специальном креплении,— сурки заметались по долине рыжими языками огня.

— Ученые, черти!..

Профессору было не до сурков; он даже не взглянул на них; слизнул обессиленно с синих губ снежинки.

Корень резко свернул с дороги, помчал по ровной, как степь, Мургабской долине к дальней кибитке, возле которой лежали горбатые черные яки.

К войлочной кибитке приткнут мотоцикл с коляской, рядом жестяные бидоны. Кто-то есть...

— Молочко бар? — крикнул Корень на обычном здесь русско-киргизском языке.

Из кибитки выглянул пастушонок, натягивая на ходу старенький свитер.

— Бар-бар!..

Пастушонок принес в деревянной тарелке желтоватое густое молоко ячих. Выглянул приемщик молока в шапке-ушанке и продранном белом халате, пригласил в юрту.

— Милые,— едва слышно произнес профессор,— стоит мне сейчас прилечь...

Корень представил себе ночевку в кибитке. Укроют профессора кошмами. Ночью кошмы побелеют от инея...

— Амин алла акбар,— выпалил Корень традиционные слова благодарности, берясь за заводной ключ.

Приемщик молока прикрикнул хрипло на яков, загородивших дорогу. В разреженном воздухе голос его слышен плохо.

Яки хрюкали, как обычные свиньи, потеснились.

И снова гонка по каменной Мургабской пустыне.

Не изменилось вроде бы ничего. А все иное. Точно вместе с воздухом разредились и краски, стали мягкими, полуразмытыми, акварельными. Петляют с обеих сторон долины, белобурые акварельные реки талого снега в пологих лощинах. Зеленовато-серые, устланные терескеном горы, все более покатые, сливаются с горизонтом, белым, слепящим, как пронизанная солнцем дымка.

Земля теряет в глазах профессора четкие грани. Пульс частит, и все тревожнее, кажется, еще чуть, он начнет терзать уши, как барабанная дробь.

«На семидесятом году... в космонавты? И ведь куда понесло?!. Го-осподи!»

Корню, напротив, эти сглаженные древним ледником округлые, почти домашние горы напоминают огромных и послушных яков, прилегших отдохнуть вблизи дороги. Ему хочется порой крикнуть им: «Э-эй!» Думается, они поднимутся тотчас и побредут дальше в поисках запорошенного снегом терескена.

Зашло солнце, ветер сразу стал жестоким, азиатским, со снегом. Зажглась звезда, близкая, за поворотом...

— До Мургаба всего ничего, товарищ профессор,— утомленно произнес Корень. Он включил фары — заскользил, затанцевал по горам красновато-желтый тревожный свет.

— Молодцом! — Профессор с трудом шевельнул губами.— Король! Действительно!..

И вдруг стало тихо-тихо. Лишь шуршали шины. Да билась о машину галька.

Корень крутанул заводным ключом. Тихо. Всего километров двадцать дали лишку. Когда профессор хотел... прямиком на Хорог. И... не дотянули. Как так?!

Выскочив из кабины, услышал бензиновую капель. Лопнул бензопровод. Корень отошел от машины и выругался всласть.

Днем здесь пылят грузовики. На Хорог, на Ош-кормилец... Но сейчас?

— Сколько осталось? — сплюнув пыль, спросил профессор хрипящим голосом.

— Километров десять...

Ветер выдул остатки тепла мгновенно.

— Пошли! — сказал профессор.

Корень закинул за спину автомат, уложил в вещевой мешок ампулы с консервированной кровью, набитую сухарями ушанку.

Под уклон шли легко, профессора приходилось сдерживать, чтоб не частил ногами.

На подъеме он присел на корточки, лег на бок, закрыв глаза.

Корень огляделся вокруг. «Бежать в Мургаб, оставив старика здесь? Закоченеет... А что, если...»

В кишлаке корзины с землей вон куда доносят...

Корень перекинул автомат и вещевой мешок на грудь, подсадил старика себе на спину.

— Держитесь, товарищ профессор. Да не за шею! За плечи!..

Две горы он преодолел, сердце билось где-то у горла; автомат бренчал о фляжку, хрипло дышал над ухом старик.

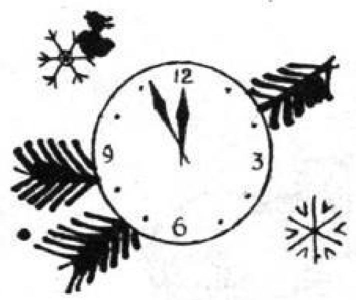
«Упасть — продать майора Саенкина... продать майора... продать майора...»

Его качало из стороны в сторону; ухо не улавливало никаких звуков, только прерывистый хрип старика.

Он опустился на колени, выкинув перед собой руки, словно хотел захватить в ладони побольше воздуха.

И тут взгляд его упал на что-то темное, шумно и горячо дохнувшее над ухом.





Тост-приглашение

Редакцию нашего журнала можно назвать своеобразным ателье улыбок. Ассортимент довольно широкий: из-под пера и кисти юмористов выходят улыбки — лукавые и добродушные, веселые и чуть-чуть грустные, дружелюбные и едкие...

Могут сказать, что я бесцеремонно использую этот тост в интересах своего родного журнала, но я все-таки приглашаю вас, друзья, в новом году почаще заглядывать в наше ателье, а точнее, в его печатное издание, которому кто-то когда-то дал довольно странное имя — Крокодил.

И вообще желаю каждому найти в будущем году как можно больше улыбок по вкусу.

М. СЕМЕНОВ,
главный редактор
«Крокодила»



— Автоинспектор!— вскричал Корень.

— Автоинспектор!— повторил профессор свистящим шепотом.— Го-осподи!

Несколько слов по-киргизски мальчику, ехавшему на ишаке, и ишак повернут назад. Мальчик приткнулся за спиной профессора, обхватив его обеими руками.

Корень толкнул ишака ладонью.

— Давай! Ну?! Автоинспектор! Милый! Родной! Давай, давай!

Перед самым Мургабом ишак так разогнался, что Корень уже не торопил его, бежал, придерживаясь за оттопыренный хвост и хрипло дыша.

Мургаб, как корабль в океане. Если что стряслось, надейся только на себя...

Однако на этот раз там уже поглядывали на часы, готовя на всякий случай вездеход, как готовят при аварии шлюпку.

— Прибыли!— крикнул открывавший ворота дежурный пограничник в телефон.

Майор Саенкин, выскочив навстречу, увидел при свете фонарей странную картину: по двору бежал вперевалку ишак, на котором сидел придерживаемый обеими руками Дон-Кихот в армейском ватнике...

— Сюда!— закричал он хрипящим голосом.— Сюда!.. Профессор... Дорогие!.. Сюда!..

...Когда Корень пригнал свой вездеход в Мургаб, профессор уже ушел от Гали. Возле Гали находились лишь сержант-фельдшер и муж. Фельдшер вытолкал провонявшего бензином Корня, шепнул, что надежда есть...

Наскоро помывшись, Корень постучал в домик коменданта, где разместили профессора: не надо ли чего?

Профессор спал, дыша трудно, прерывисто-хрипло, вскрикивая, точно в горячке. Корень втянул в комнату спортивный мат майора, приткнулся на нем, чтоб быть на всякий случай поблизости.

За полночь комендатуру подняли «в ружье». Вездеходы умчали и майора Саенкина, и солдат, и фельдшера комендатуры, оставившего Корню несколько кислородных подушек.

Корень зажег керосиновую лампу (после часу свет не горел), отыскал окрашенный в голубую краску баллон с кислородом, принесенный из санчасти.

— Как развиднеется, товарищ профессор, так мы с вами деру. До утра осталось чуть...— Корень смочил водой марлю, обернул ею пластмассовый раструб кислородного шланга («легче дышать, товарищ профессор, когда кислород влажный»).

Лицо профессора при желтоватом свете керосиновой лампы как из пергамента. Под глазами мешки.

— Зато где побывали, товарищ профессор!— Корень хотел произнести бодро, а прозвучало виновато.— Мургаб — это пупок Памира, товарищ профессор,— добавил он в досаде на самого себя.— Не хухры-мухры! Пост памирский, если по-старому. Казачий разъезд тут был. Дышите, дышите!.. Знаете, что это за планета?

Сколько тут живешь, плова не попробуешь. Рис не разваривается. И фасоль тоже. Вода кипит при восьмидесяти градусах. Куры, конечно, дохнут. Яички из Ошá возят.

— И даже мухи,— желчно заметил профессор.

— Мухи? Что мухи?! Даже микробы! Потому мясо не тухнет, только сохнет.

Профессор подышал из раструба с мокрой марлей, спросил умиротвореннее:

— Сколько вы в Мургабе прослужили, Женечка?

— Два с половиной года.

— Изрядно.

— Что вы, изрядно! Майор Саенкин знаете сколько трубит? Сдается мне, товарищ профессор, в гиблых местах хороших людей больше. Хитрованы отсюда ужом-ужом...— Он замолк на полуслове, спросил другим тоном:— Как думаете, товарищ профессор, майора Саенкина переведут отсюда? А? Эх, да будь я с десятилеткой да с офицерским званием, я бы тут же рапорт в округ. Так, мол, и так. Согласен в Мургаб. На любой срок. Только б Саенкина вниз, на плоскость...

Старик отнял от рта кислородный раструб.

— Вы, Женечка, и так сделали для майора больше, чем все другие. На прощание какой подарок принесли! Королевский! Воистину королевский! Спасли его жену.

— Я?!

— Даровать жизнь, кроме врачей, Женечка, властны только короли. Скажите, Женя,— он судорожно глотнул кислорода,— почему все-таки в Хороге не было самолета? Хоть какого-нибудь? Окажись мы в Мургабе на полчаса позже, Гали бы не стало...

— Ну-у?! Погибла бы?! Вот как!.. Эх, да когда ж перестанут на Саенкина все шишки валиться? — воскликнул Корень.— Вы знаете, как ему солоно приходилось? Вот, к примеру...

Под утро вернулся с дальней заставы майор Саенкин. В разодранном ватнике, из которого торчали клочья ваты. Козырек зеленой фуражки расколот пополам.

Принял рапорт дежурного, позвонил в больницу — и бегом домой. Услышал возбужденный голос Корня, остановился. Сбитые, кровоточащие пальцы рук разжались сами собой.

«Этого еще не хватало!.. Пожалел. По-жалел!..»

Никто не видел сейчас лица Саенкина под изуродованным черным козырьком, костлявого, болезненно-серого, потерянного. Наверное, именно таким подглядел его Корень, когда понял вдруг, задохнувшись от нежности: «Безответный!»

Однако сиплый, застуженный голос Саенкина был голосом властного коменданта.

— Корень!

К Саенкину вернулась ярость, страшная ярость этой ночи, когда он карабкался по отвесной скале, задыхался, тащил на себе раненого солдата.

— Ко-рень! Ты что плетешь?!

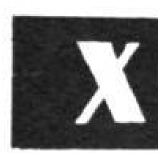
Корень вздрогнул от обиды: так кричал на него однажды лишь командир автороты; не твое, кричал, дело, лезть с высказываниями! Твое дело — крутить баранку!.. И только!

Саенкин постоял молча, затем повернулся кругом, шагнул, грохоча сапожищами, к выходу,— обида Корня отступила куда-то, словно ее и не было.

«Не испугал бы Галю, нервный. Ох, и не-ервный!»

21 декабря 1962 года в «Правде» был напечатан рассказ русского писателя-юмориста Аркадия Аверченко (1881—1925) «Крыса на подносе», в котором автор ядовито осмеял художников-модернистов. Этой же теме посвящен рассказ «Изумительный случай», написанный А. Аверченко в 1924 году. В советской печати рассказ печатается впервые.

Публикация подготовлена
П. Л. Вячеславовым.



Аркадий АВЕРЧЕНКО

Изумительный случай

(Из жизни художников)

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Художник Семиглазов решил выставить на осенней выставке «Союза молодежи» две картины:

1. «Автопортрет».
2. «Ню» — портрет жены художника.

Обе картины, совсем законченные, стояли на мольбертах в его мастерской, радуя взоры молодого художника и его молодой подруги жизни.

Изредка художник обвивал любящей рукой талию жены и, подняв гордую голову, надменно говорил:

— О, конечно, критика не признает их! Конечно, эти тупоголовые кретины разнесут их в пух и прах! Но что мне до того! Искусство выше всего, и я буду всегда писать так, как чувствую и понимаю. Ага! Как сейчас вижу я их. «Почему,— будут гоготать они бессмысленным смехом,— почему у этой женщины живот синий, а грудь такая большая, что она не может, вероятно, двигать руками? Почему на автопортрете один глаз выше, другой ниже? Почему все лицо написано красным с черными пятнами?» О, как я хорошо знаю эту тупую, напыщенную человеческую пыль, это стадо тупых двуутробок, этот караван идиотов в оазисе искусства!

— Успокойся,— ласково говорила любящая жена, гладя его разгоряченный лоб.— Ты мой прекрасный гений, а они форменные двуутробки!..

В дверь мастерской постучались.

— Ну? — спросил художник.— Входите.

Вошел маленький, болезненный старикашка. Голова его качалась из стороны в сторону, ноги дрожали от старости, подгибались и цеплялись одна за другую... Дряблые руки мяли красный фуляровый платок. Только глаза юрко и проворно прыгали по углам, как мыши, учуявшие ловушку.

—А-а!— проскрипел он.— Художник! Люблю художников... Живопись — моя страсть. Вот так хожу я, старый дурак, из одной мастерской в другую, из одной мансарды в другую и ищу, облезлый я глупый крот, гениальных людей. Ах, дети мои, какая хорошая вещь — гениальность!

Жена художника радостно вспыхнула.

— В таком случае,— воскликнула она,— что вы скажете об этих картинах моего мужа?

— Ага,— оживился старик.— Где же они?

— Вот эти!

Он остановился перед картинами и замер. Стоял пять минут... десять...

Супруги, затаив дыхание, стояли сзади.

Медленно старик повернул голову, заскрипев при этом одеревеневшей шеей.

Медленно шепотом спросил:

— Это... что же... такое?

— Это? — сказал художник.— Я и моя жена.

Старик изумленно замотал головой и вдруг крикнул:

— Нет, это не вы!

— Нет, я.

— Уверяю вас, это не вы!

Художник нахмурился.

— Тем не менее это я.

— Вы думаете, что вы такой?

— Да.

— Смотрите, почему на картине ваше прекрасное молодое лицо покрыто зловещими черными пятнами на красном фоне? Почему один глаз у вас затек, а руки растут одна из лопатки, а другая из шеи... Почему рот кривой?

Вдохновенно, торжественно протянув руку, сказал художник:

— Потому, что я такой...

— А вы... сударыня... Вы такая? Я не поверю, чтобы ваше тело было похоже на это.

— Разденься! — бешено крикнул художник. — Докажи этому слепому слизняку.

И, не задумываясь, разделась любящая жена и обнажила себя всю. Стояла молодая, прекрасная, сверкая юным, белым телом и стройной, едва расцветшей грудью.

— И она, по-вашему, похожа?! — прищурился старичок. — У нее синий кривой живот? Красные толстые ноги без икр, зловещие рубцы на шее, почерневшие груди с сосками величиною с апельсин?

— Да! — торжественно сказал художник. — Она такая.

— Да! — крикнула любящая жена. — Я такая!

Старичок неожиданно упал на колени.

— Ты! — воскликнул он, простирая руки к потолку. — Ты, которому я всегда верил и который обладает силой творить чудеса! Сделай так, чтобы эта молодая чета имела полное сходство с этими портретами. Сделай их подобными порожденным творчеством этого гениального художника!..

Жена взглянула на мужа и вдруг пронзительно закричала: на нее в ужасе глянуло искаженное лицо мужа, красное, с черными пятнами, с затекшим глазом и сведенными в страшную гримасу губами... Руки у несчастной покривились, как у калеки, и на груди вырос горб точь-в-точь, как художник по легкомыслию изобразил на портрете.

— Что с тобой? — вскричал бешено муж. — О боже! Что ты сделала с собой?!

С непередаваемым чувством отвращения смотрел единственный глаз художника на жену...

Перед ним стояла уродливая, страшная баба с громадными черными грудями и толстыми красными ногами. Синий живот вздулся, и чудовищные соски на прекрасной прежде, почти девственной груди распухли и пожелтели. Это была чума, проказа, волчанка, ревматизм и тысяча других самых отвратительных болезней сразу, накинувшихся на прекрасное прежде тело. И... удивительная вещь: теперь ужасное лицо мужа и отвратительное тело жены как две капли воды были похожи на портреты.

— Ну, я пойду, — сказал равнодушно старичок, пряча в карман свой громадный платок. — Пора, знаете, как говорится: посидел — пора честь знать... Ходишь, ходишь да и устанешь, знаете, как собака...

— Милосердный боже! — вскричал художник, падая на колени в порыве ужаса и отчаяния. — Что вы с нами сделали?

— Я? — удивился старик. — Я? Подите вы! Это разве я? Это вы сами с собой сделали! Разве вы теперь не похожи? Как две капли воды. Прощайте, мои роскошные красавцы...

Он прищелкнул пальцами и умчался с быстротой, несвойственной его возрасту. Супруги остались одни. Художник стер слезу с единственного глаза и обвил синий стан супруги искалеченной рукой.

— Бедная моя... Погибли мы теперь.

— Не смей ко мне прикасаться! — крикнула жена. — У тебя глаз вытек и на лице черные пятна.

— Сама-то ты хороша! — злобно сказал художник. — На двухнедельный труп похожа.

— Ага... Так? — крикнула жена.

Она бросилась, как бешеная тигрица, на свой портрет и в мгновение разорвала его в клочки. И совершилось второе чудо: по мере уничтожения портрета снова начала она превращаться в молодую и прекрасную. Снова тело ее засверкало белизной.

И, увидев это, с визгом бросился художник Семиглазов на свой «Автопортрет». И, растерзав его, сделался он через минуту так же молод и здоров, как прежде.

От картин остались жалкие обрывки.

Недавно был я на выставке «Союза молодежи».

Устроитель выставки сказал мне:

— Да, штуки тут все любопытные. Прекрасная живопись! Но нет гвоздя, на который мы так надеялись. Можете представить — наша слава, наша гордость — художник Семиглазов в припадке непонятного умоисступления изорвал свои лучшие картины, которые могли быть гвоздем выставки: «Ню» — портрет жены и свой «Автопортрет».

Декабрь 1924 года.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Дети остаются с Федотовым

Собственно говоря, ничего другого, кроме этой несложной в общем-то истории, не происходит в новой картине Ленфильма «Родная кровь». Чужие, точнее, «неродные», а еще точнее, усыновленные Федотовым дети отказались вернуться к отцу, приехавшему за ребятишками, когда умерла после операции Соня — их мать.

Вот и все.

Но в рассказе Ф. Кнорре, впервые опубликованном в «Огоньке» в 1962 году и переведенном по сценарию автора на язык кино режиссером М. Ершовым и оператором Д. Куховаренко, удивительно широко раздвинулись рамки сюжета. И все увидели: нужно сделать очень многое, а главное, очень многим обладать для того, чтобы произошло это маленькое чудо — неродная кровь стала родной. Ибо фильм не о том, как отец превратился в чужого для детей человека, хотя и об этом блестяще рассказано артистом А. Папановым, но о том именно, как чужой — Федотов, сыгранный Евгением Матвеевым, был признан детьми родным...

Так как же все-таки это случилось?

Ведь танкист Федотов, приехав в тыл на побывку и впервые встретив на пароме иззябшую, измученную перевозчицу, не очень-то задумывается поначалу над ее странным приглашением: «Посмотришь на моих ребятишек», — когда молча идет вслед за женщиной в темную и совсем пустую, какую-то голую избу. Наверное, все-таки хочет найти здесь, у Сони, легкий — пусть недолгий — приют до утра.

Но пока гостеприимно и беспомощно хлопочет Соня возле крохотной коптилки, Федотов опять и опять видит темную, голодную избу, мрачные, голые стены. И вдруг выглянувшее из-за печки худое личико едва проснувшейся девочки; оно становится таким счастливым, когда Федотов протягивает туда, за печку, щедрый кусок пайкового своего хлеба...

— А мальчишкам? — спрашивает девочка тоненько и неуверенно.

Федотов отрезает и мальчишкам...

Доброту пересказать невозможно.

Она, конечно, в том, что человек делает. Но, быть может, не меньше и в том, как делает.

Девчушка спустилась с печки и нетерпеливо переминается босыми ножками у двери. Страшно ей бежать на улицу: темно. Федотов понял, открыл девчонке дверь. Покараулил, пока прибежит обратно. Забросил далеко в речку водочную бутылку. Вернулся в избу, дунул на коптилку и лег спать — один, по-походному, на жесткой скамье.

В темноте, в тишине звучит неожиданное признание Федотова — и грустное и веселое сразу: «Ну, не дурак ли я в своей жизни!» И столь же неожиданный, лукавый, полный признательности и ласки ответ Сони: «А, конечно, дурак».

Вия Артмане как нельзя более подошла на роль Сони.

Тихая, худенькая, узкоплечая, совсем не такая, каких почитают красавицами, видно, очень кроткая и уступчивая. И в то же время очень гордая. Настороженно гордая. Вся она как бы приготовилась к отпору, который уж наверняка потребуется дать обидчику. Такому же обидчику, как Сонин муж, например, пожелавший сломить эту робкую гордость, унизить это тихое достоинство, обрушить на хрупкие Сонины плечи непосильный труд, бедность, почти нищету...

Откуда только взялись у Сони эти силы, это терпение, когда осталась она с тремя детьми в суровом краю эвакуации? Но ведь война. Всем трудно, не ей одной. Правда, у мужа бронь, мог бы и забрать их. Ну, что же делать. Что же делать...

Возле Сониного парома и прошла вся необычная побывка Федотова.

К этому парому, словно напрямик пройдя всю войну, возвращается он, веря почему-то, что Соня ждет его так же упрямо.

Федотова ждали и Сонины ребятишки.

Он первый научил их самой главной человеческой радости: трудиться ради других. Он был отзывчив и умел их понимать. А это не забывается.

Чувствуя, что и они не безразличны Федотову, дети поэтому не ревновали его к Соне, своей матери.

В рассказе Ф. Кнорре и в фильме Соня — эстонка, а играющая ее актриса В. Артмане — латышка. Она выговаривает русские слова с едва заметным старанием и почти совсем без акцента. Особенность Сониного произношения улавливаешь только в тех словах, где встречается буква «ч»; Соня — Артмане произносит их твердо. Попробуйте сказать «чуть-чуть» точно так, как это написано, — не со звонким «ю» после «ч», а с твердым и глухим «у», — тогда вы в точности почувствуете Сонину интонацию. Это свое милое «чуть-чуть» Соня говорит накануне операции. Успокаивая Федотова, она просит оставить ей часы: пусть тикают возле нее, ей не будет страшно, разве только чуть-чуть...

Так он и не узнал, Федотов, когда ему вернули его часы, — было ли Соне страшно.

До Сониной смерти Федотова, впрочем, никто Федотовым не звал. Зато бывший Сонин муж, как только приехал за детьми, сразу велел, чтобы они говорили ему «папа», а потом вежливо сказал:

— Он ведь вам совсем никто, этот Федотов.

И еще несколько раз повторил: «Федотов, этот Федотов», — с таким брезгливым и уничижительным выражением, словно называться Федотовым стыдно...

Федотов сидит в опустевшей сразу комнате и думает о том, что в общем-то он не очень уж хорошо одевал своих детей и не очень уж вкусно их кормил... Он сразу стал усталым, печальным. И старым. Обозначились все морщины на добром, широком, большом лице.

Ну что же делать? Что же делать!.. Федотов собирается в рейс. Когда-то и Соня и дети выбегали к березке на обрыве, чтоб услышать знакомый гудок парохода. Сейчас Федотов боится и глянуть туда. Е. Матвеев не выжимает слезы на глаза Федотова; они сухи и полны боли.

Впрочем, он, может, и заплакал бы, но сверху ему кричат, ликуя: «Гудок, гудок!..» Возле березки, как всегда, — Эрик, старший, и Сонечка, тоже уже совсем почти большая; только младшего, Гонзика, не видно. Они машут, машут, машут Федотову — изо всех сил.

Мимо юноши и девочки-подростка медленно идет пароход и низко, торжественно гудит, будто салютует. А они все машут...

Вот каким предстало в фильме трудное человеческое счастье Федотова.

Вия Артмане и Евгений Матвеев на съемке фильма «Родная кровь».
Фото В. Вигдермана.



Федотов вернулся с фронта.





Джанни РОДАРИ

ДВОРЕЦ ИЗ МОРОЖЕНОГО

Однажды в Болонье, как раз на Центральной площади, построили дворец из мороженого, и дети приходили издалека, чтобы хоть разок лизнуть его.

Крыша дворца была сделана из сбитых сливок, дым — из сахарной пудры, трубы — из засахаренных фруктов. Все остальное — двери, стены, мебель — было из мороженого.

Одного малюсенького мальчика никак нельзя было оттащить от стола, и он одну за другой съел все ножки, так что стол свалился на него со всеми тарелками, а они были сделаны из самого лучшего шоколадного мороженого.

Полицейский вдруг заметил, что окно дворца стало таять. Стекла были из клубничного мороженого и потекли розовыми ручейками.

— Скорее, — закричал полицейский,— еще скорее!

И все бросились скорее лизать, чтобы не пропала ни одна капля этого шедевра.

— Кресло мне!— умоляла старушка, которая никак не могла протиснуться сквозь толпу.— Дайте кресло бедной старухе! Кто мне его подаст? Если можно, то, пожалуйста, с подлокотниками.

Добрый пожарный бросился за креслом из мороженого с кремом и фисташками, и бедная старушка, осчастливленная, начала лизать кресло как раз с подлокотников.

Это был великий день, и по приказу докторов ни у кого не болел живот.

Когда теперь случается, что дети просят еще одну порцию мороженого, то родители, вздыхая, отвечают:

— Ах, тебе подавай целый дворец, такой, как в Болонье!



У НАС В ГОСТЯХ — ДЖАННИ РОДАРИ

Счастья на весь год и на всю жизнь читателям «Огонька»!

Джанни РОДАРИ

ОДИН И СЕМЕРО

Я знал одного мальчика, который был одновременно семью мальчиками.

Он жил в Риме, его звали Паоло, и отец его был кондуктором.

И он жил в Париже, его имя было Жан, а отец его работал на автомобильном заводе.

И он жил в Берлине, здесь его называли Курт, а отец его был виолончелистом.

И он жил в Москве, звали его, как Гагарина, Юрий, его отец был каменщиком и изучал математику.

И он жил в Нью-Йорке, звали его Джимми, а отец его был хозяином бензоколонки.

Скольких я назвал? Пятерых. Не хватает еще двоих.

Одного звали Чжоу, жил он в Шанхае, отец его был рыбаком; последнего мальчика звали Пабло, жил он в Буэнос-Айресе, а отец его был маляром.

Паоло, Жан, Курт, Юрий, Джимми, Чжоу и Пабло — всего семеро, но все они были похожи друг на друга: каждому было восемь лет, каждый уже умел читать и писать, и каждый ездил на велосипеде, не держась руками за руль.

У Паоло волосы были черные, у Жана — светлые, а у Курта — каштановые, но это был все тот же мальчик. У Юрия кожа была белая, у Чжоу — желтая, но это был все тот же мальчик. Пабло ходил в кино и смотрел фильмы на испанском языке, а Джимми — на английском, но это был все тот же мальчик. И смеялись все они на одном языке

Теперь все семеро выросли и не хотят воевать друг против друга, потому что хотя их и семеро, но все они — один человек.

СИНИЙ СВЕТОФОР

Однажды со светофором, который находится в Милане на пьяцца дель Дуомо[1], приключилась странная вещь. Все его огни вдруг стали синими, и люди не знали, что им делать. Переходить улицу или не переходить? Стоять или не стоять? А светофор всеми своими глазами во все стороны разливал необычный синий свет, такой синий, каким никогда не было даже небо Милана.

Не зная, как быть, водители автомобилей кричали и сигналили, мотоциклисты ревели моторами, а самые толстые пешеходы вопили: «Знаете ли вы, с кем имеете дело?!»

Остряки смеялись:

— Зеленый, должно быть, съел их превосходительство, чтобы устроить себе загородную виллу.

— Красный пошел на то, чтобы подкрасить рыбок в бассейнах.

— А знаете, что делают с желтым? Им разбавляют оливковое масло.

Наконец прибыл регулировщик и, став на перекрестке, начал наводить порядок. Другой регулировщик стал искать неполадку в щитке управления и вообще выключил свет.



Но прежде чем погаснуть, синий светофор успел подумать: «Бедняги, я дал им сигнал, что путь к небу свободен. Если бы они меня поняли, они бы все сейчас смогли полететь. Но им, наверное, не хватило смелости».

Перевела с итальянского Тамара Блантер.

[1] Главная площадь Милана.



Мария Жанна КАРОН
(Центрально-Африканская республика)

Пирога

Плыви, плыви,
Кормилица-пирóга,
Пой, лодочник:
«Ойе, ойе!»
Три темных черточки
Вдали
На воду сонную легли.
Привычный вид
Для наших мест:
Пирóга,
Лодочник
И шест.
И слышен
Каждый взмах шестом
На много-много миль
кругом.
И убаюкана река
Вечерней песнью рыбака.

Плыви, плыви,
Кормилица-пирóга,
Пой, лодочник:
«Ойе, ойе!»

Перевод В. Викторова.

РЫТХЭУ

Унпенэр

Мне еще неполных семь.
В школу только осенью.
К маме, к бабушке,
ко всем
пристаю с расспросами.

Где какие есть заливы?
Где какой живет народ?
Отчего моржи ленивы,
а песцы —
наоборот?
Или что бывает с паром
от мороза, например?

Говорят, что мне недаром
дали имя —
Унпенэр!

И Полярная звезда
так же называется.
И Полярная звезда
все узнать старается.

Значит, мы друзья
и тезки.
Спать зовут меня, пора.
На небесном перекрестке
тезка
светит до утра.



Смотрит на землю пытливо
и не любит баловства.
Все видны ему заливы,
и Чукотка,
и Москва!

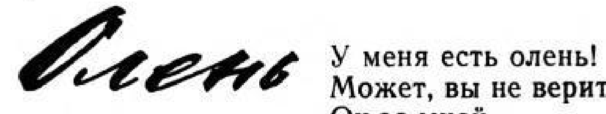
Подрасти скорей хочу,
крикну «до свидания»
и в ракете полечу
к тезке
на свидание!

Авторизованный перевод с чукотского Глеба Семенова.

Юрий КОВАЛЬ

Метель

Метели
Летели,
Метели
Мели.
Метели
Свистели
У белой земли.
Метели
Хватали
За ветки
Дубки.
Метели
Мотали
Из снега
Клубки.
Метели
Летели,
Метели
Мели.
Метели
Из снега
Сугробы плели.
Метели,
Метели
Свистеть
Перестали.
Метели
Устали.



Людмила ЗУБКОВА

У меня есть олень!
Может, вы не верите?
Он за мной,
Будто тень,
Ходит в нашем скверике...
У него рога, как ветки,
Весь он
Пепельной расцветки.
Он стоит,
Собой гордится,
На копытцах-каблучках.
Прячут мягкие ресницы
Добрый свет
в его зрачках.
Друг мой Тепка
полчаса
Мне твердил упрямо:
— Не олень,
а чудеса,
Загляденье прямо!..
Мой олень идет за мной:
Я домой, и он домой!
У прохожих на виду
За рога его веду!
В теплых печках-валенках
Я хожу весь день...
На пушистых варежках
Вышит мой олень!



Мороз красный нос

Е. КОБЕЦ-ФИЛИМОНОВА

Когда-то Мороз был очень похож на деда-мороза, что ставится под новогодней елкой. И он так любил детей, что даже не щипался. Но дети над ним смеялись. Потому что у него всегда был красный-красный нос. Как увидят они, что дед Мороз идет, то бегут за ним и приговаривают:

— Дед Мороз красный нос!

— Дед Мороз красный нос!

Так они дразнили деда Мороза до тех пор, пока тот не на шутку рассердился.

Однажды Мороз надел на голову шапку-невидимку, взял красную краску с кисточкой и пошел по улицам. Дети не могли его увидеть, потому что он стал невидимкой.

Обмакнул дед Мороз кисточку в краску и покрасил всем носы.

С тех пор он ходит невидимкой. А когда у тебя щиплет нос, то знай, что это Мороз его кисточкой красит. Не веришь? Посмотри в зеркало.

Минск.



Сказка спит над озером





Борис ИВАНОВ **Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.**



ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Давно собирался побывать в Мазурах. Но все как-то не получалось. В этот приезд в Польшу решил твердо осуществить свой замысел, хотя много было других соблазнительных маршрутов. Посудите сами: ну разве не любопытно снова взглянуть на Бещады, не в шутку прозванные «диким Западом»? Впервые я попал в этот пустынный, забытый богом уголок шесть лет назад, когда только что начали его осваивать смелые энтузиасты. Через топи, бурные речки, чащобы, высокие горы они прокладывали здесь железную дорогу и шоссе, чтобы дать выход лесу — главному богатству края—к промышленным центрам страны.

Что теперь с Бещадами? В Варшаве мне говорили, что они стали любимым местом для путешествий. Там построены санатории, дома отдыха, туристские базы. Но самое существенное — деревообделочные предприятия. Цивилизация не коснулась лишь жизни постоянных обитателей Бещад: по-прежнему здесь в горных ущельях можно встретить медведя, рысь, косулю и прочую четвероногую тварь.

— Съездите, не пожалеете... Дороги туда ведут отличные.

Как ни заманчиво было предложение, я отвечал на него: «Нет». Тогда речь заходила о «Вореке житавском».

— Помните «мешок сокровищ»? Так вот. Мы вскрыли его и черпаем теперь богатства полной мерой.

Разве забудешь такое! Я был свидетелем, как к «Вореку житавскому» подбирались ключи. На сравнительно небольшой территории, у стыка границ трех государств — Польши, Чехословакии и ГДР — шли подготовительные работы к вскрытию мощных пластов каменного угля и строительству крупнейшей в стране электростанции. Машины, пыль, машины, маленький поселок изыскателей и строителей — таким запомнилось мне это место. Огромный индустриальный комплекс: уголь, химия, электроэнергия — таким стал «Ворек житавский» четыре года спустя. Поражают не только размеры угольных разрезов, но и величина промышленных зданий, их удивительно гармоничное расположение. Индустрия здесь не подавляет, а восхищает, доставляет человеку эстетическое наслаждение, как цельный архитектурный ансамбль. Редкая удача!

Рассказываю я о новом «Вореке житавском» с чужих слов и еще с чужих фотографий. А фотографии я увидел в Москве накануне отъезда в Польшу. Как-то дома раздался телефонный звонок. Знакомый голос радостно сообщил:

— День добрый! Мы поженились! Зося передает вам теплые приветы.

Что в таком случае говорят? Поздравляют человека. Но, видимо, мои поздравления прозвучали не столь решительно, ибо в ту секунду я не мог сразу сообразить, с кем говорю. И в ответ услышал не обычное «дзенькую бардзо», а напоминание о нашей встрече.

— Забыли? Так это Роман Лучкевич... «Ворек житавский», Турошув, стройка, Анна...

И сразу стало все на свое место. Инженер Лучкевич был тогда моим гидом. На строительной площадке он восхищался будущим «Ворека житавского», толковал о техническом прогрессе. А вечером в общежитии под названием «Анна» с грустью, доверительно сообщил, что его любимая не хочет уезжать из Варшавы в какой-то мешок. Я об этой встрече рассказал в своем очерке «Река называется Одра». И вот, пожалуйста, неожиданное продолжение. Зося очерк прочитала. Очень обиделась на Романа. Месяц не посылала ему писем. А на другой — сама к нему в Турошув приехала. Сейчас у Лучкевичей растет дочка, уроженка «Ворека житавского». В «мешке сокровищ» они нашли и свое собственное счастье.

Мы, конечно, в тот же день увиделись с Романом Лучкевичем. И вам ясно, с чьих слов и фотографий я узнал о сегодняшнем «Вореке житавском».

Соблазн был большой: все посмотреть в натуре. Но влекли Мазуры. И я не отступал от своего намерения побывать там. Вы, естественно, спросите, чем же в конце концов особенным знаменит этот край Польши? Не знаю, может быть, разочарую, но скажу сразу: крупных новостроек и шумных городов там нет. Это край тихий и задумчивый. Такое впечатление производит он своими безбрежными лесами и бесчисленными озерами. Конечно, леса там измерены. Количество озер точно подсчитано. Но об этом в Мазурах лучше не спрашивать. Мал ли, велик твой край — он твой, и в этом счастье. Для поляка Мазуры — это еще и поэзия, и любовь, и красота. Здесь на берегах лесных озер в незапамятные времена родилась польская сказка. Она была пронесена через многовековую немецкую оккупацию до дня освобождения как символ национальной верности и гордости.

Сказка — это не только фантазия народа. В сказке его сердце и разум. В самой середочке сказки лежит живая плоть жизни. Ведь жизнь иногда поставляет нам такое, что не знаешь, где выдумка, где правда. Недаром великий сказочник Андерсен говорил: «Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь». Услышать их из первых уст, как бы почувствовать душу поляка, посмотреть в глаза его, то веселые, то грустные, то ласковые, то жесткие, за тем я и приехал в Мазуры.

В Ольштыне — столице Мазурского края,—в городе сравнительно небольшом, окруженном озерами и лесами, с островерхими крышами домов, многочисленными шпилями костелов, мне посоветовали познакомиться с Мариной Окенцкой-Бромковой.

— Все в ее руках,— сказали в редакции воеводской газеты,— она, как у вас говорят, и швец, и жнец, и в дуду игрец. Сама сказки собирает, сама рассказывает, да и сама она живая легенда. Правда, Марину не всегда можно застать дома. Но это уж как повезет.

И дали мне ее телефон.

Звонить пришлось много раз. Да что звонить — ездить за десятки

километров от Ольштына. Но, как говорится, кто ищет, тот всегда найдет. Настойчивость — хороший помощник в делах. Наконец в телефонной трубке раздался голос приятного низкого тембра:

— Марина Окенцка слушает.

К счастью, уговоры заняли куда меньше времени, чем поиски. Встретиться условились в кафе.

— А как я вас узнаю?

— Очень просто. Я буду в зеленой, очень непопулярной шляпе и того же цвета шерстяной кофте. Но главная примета — мой нос. Он у меня, как у Шопена.

Поражать, видимо, в характере всех женщин. Все, конечно, оказалось наоборот. И изящным и популярным. Разве только цвет костюма был назван точно, что и послужило ориентиром для знакомства.

Марина рассказывает сказки спокойно, не спеша, даже артистично, уловив и усвоив интонацию тех стариков и старух, от которых их слышала. Ее внутреннее волнение передает лишь чуть подрагивающая сигарета, зажатая в тонких, длинных пальцах.

Первая сказка



Давно это было. Как и все на свете, сказка тоже начинается издалека. Да и сказка ли это? Я сама была в Лешно и видела тот колокольчик и ту капличку, в которой он висит. Но началось все это действительно давно. Уже и гранитный камень выветрился на могиле, где покоится прах первого поляка, пришедшего на землю Лешно. Крутой был поляк. Ростом он вышел, и умом матерь божья не обидела. Хитрости сам нажил. Хитрость, как мастерство,— приходит с годами и опытом.

Огляделся поляк. Перед ним озеро шири неоглядной. Поляны с травой по колено. Кругом леса синеют.

«Хорошо тут,— подумал поляк,— и рыба, и корм скоту, и дом есть из чего поставить». Позвал он на это место своих сородичей. Всем понравился выбор старшего среди них. За одно лето село выросло. Назвали его Лешно. Посередине села сложили из камня капличку, внутри нее повесили колокольчик. Старшего выбрали солтысом — старостой то есть.

Стали поляки на этой земле обживаться, детей рожать, силу копить. И не пошла бы из этого села сказка, если бы не колокольчик. Еще когда его вешали, солтыс сказал:

— Этот колокольчик зазвенит лишь тогда, когда на Лешно налетят злые люди. Дружно собирайтесь и гоните их прочь. Никто вас не одолеет, пока колокольчик будет звенеть.

Много лет прошло с тех пор. Селяне уже стали забывать о словах солтыса. Но однажды летом, работая в поле, они услышали призывный звон колокольчика. Бросились поляки в село, а там чужаков полная улица.

— Это пруссаки. Они хотят быть хозяевами в вашем доме!— крикнул солтыс.

Стойко защищали свой кров поляки. С каждым ударом колокольчика силы у них росли, а у пруссаков слабли и слабли. И хоть пруссаков было больше, пришлось им уйти из Лешно ни с чем.

Не раз еще пробовали пруссаки одолеть Лешно. Но ничего из этого у них не получалось. Колокольчик-то звенел. Тогда из Берлина послали в Лешно Фрица Бенка, разузнать, в чем же сила поляков. Тихий такой с виду человечек Бенк.

— Буду вашим старшим братом,— говорит.

— Ни младшим, ни старшим братом ты нам быть не можешь,— отвечают ему,— но если зла с собою не носишь, живи с нами на равных.

Ласковой овечкой прикинулся Бенк, а втайне все село обнюхал, как собака незнакомый дом. Вскоре в Берлине получили от Бенка письмо.

«В Лешно,— сообщал он,— все говорят только по-польски, читают польские книги, а дети учатся в польской школе. Это маленькая Варшава в центре Пруссии. В сердце ее колокольчик, что висит в капличке. Надо вырвать это сердце».

Так вот в чем сила поляка — в его неутомимом сердце, решили в Берлине. Что ж, вырвем это сердце, и делу конец. Но легко говорить. Снова послали пруссаки на Лешно войско. И снова неистово звенел колокольчик.

«Сейчас мы заткнем ему глотку!»— торжествовали солдаты. Однако как только они приближались к капличке, колокольчик вдруг исчезал и звенел-звенел на другом конце села...

Но случилось такое утро, когда колокольчик не издал ни звука, а по улице Лешно шли и шли совсем незнакомые люди. И поляки радовались им. То шли солдаты со звездами на фуражках. Вот это уже было недавно. Этих солдат я сама встречала. Только начало сказки ведется издалека.

Вторая сказка



Есть в Мазурах село Кадынах. Село как село, каких много в нашем крае. И не стала бы я его вспоминать, если бы не залив, на берегу которого оно стоит. Вот залив, он особенный. Вернее, вода в заливе особенная, вода, какой вы не встретите на всем земном шаре. А от залива пошла по Польше слава о Кадынах.

Вода в этом заливе красная, как кровь.

Оно и правда, в красный цвет воду окрасила человеческая кровь.

Случилось это в ту пору, когда на земле жили великаны. Поселились два брата-великана на берегу этого залива. Вместо палок они носили в руках стволы вековых сосен, а глаза их видели голубое небо даже в непогоду. Братья были ростом выше туч. Жили они мирно, ловили рыбу, сеяли пшеницу.

Вот как-то один брат говорит другому:

— Давай-ка построим корабль. И отправимся на нем в дальние страны.

— Это зачем?

— А затем, чтоб посмотреть, не крупней ли там рыба, не тучней ли земля и не выше ли небо.

— Что тебе, своего мало? Гляди, кругом какой простор.

— Э-э, непонятливый какой. Свое можно увеличить.

Сговорились. И стали строить корабль. Год ли, два они его строили, осталось мачту поставить и парус натянуть. Но случилась беда. Оно всегда так: удача журавлем в небе ходит, а беда за плечами стоит, в затылок дышит. Тесал брат мачту да на суке топор и сломал. Кричит на берег:

— Эй, браток, топор сломал! Кинь новый!

Кинул брат топор, да вместо рук влетел он другому брату в голову. Рухнул тот в залив и умер.

Вот с той поры вода в заливе и красная. Посветлеет она лишь тогда, когда люди перестанут убивать друг друга.

Третья сказка



Во Фромборке жил Николай Коперник. Там, с высокой башни наблюдая за звездами, он остановил Солнце и привел в движение Землю. Да кто этого не знает! Знаменит Коперник на весь мир. Но всякому ли известно, откуда взялся плющ, который вот уже четыреста лет вьется по стене его дома? Уверена, что нет. А мне известно. Хотите послушать, расскажу.

Николай Коперник изучал не только небо. Любил он заниматься и земными делами. Во Фромборке он написал книгу о деньгах. Во время работы над ней частенько наведывался в Торунь, к искусному мастеру — чеканщику монет. Занимал его не столько сам мастер, сколько его дочь по имени Шилинжанка. Видно, очень любил деньги торуньский мастер, если дочери своей дал имя монеты шиллинга.

Отменна собой была Шилинжанка: статна, весела, ласкова. Волосы у нее были цвета бронзы, из которой чеканил отец монеты, а глаза — цвета морской волны в солнечный день. Долго ли молодому — влюбился Николай Коперник в Шилинжанку. Да без ответа. Ныла грудь, но сердцу не прикажешь: замолчи. Решил Коперник больше не ездить в Торунь. А чтобы любовь его была всегда с ним, посадил у своего окна плющ, изображение которого видел на фамильной печатке Шилинжанки.

Четыреста лет прошло с тех пор, как не стало Николая Коперника, а любовь его до сих пор живет. Настоящая любовь не подвластна смерти.



Четвертая сказка

Собрался отец с сыном на ярмарку в Ольштын, зерно продавать. Рано встали. Еще ни один лучик солнца в озере Дадай не искупался. Дорога дальняя. Запрягли буланого, погрузили на телегу мешки с зерном и тронулись в путь. Отец сел впереди, за вожжи, а сын сзади на мешки взгромоздился. Едут не спеша, телега скрипит под тяжелым грузом: скрип-скрип, скрип-скрип. Отец даже задремал под эту музыку. Вдруг слышит, сын кричит:

— Тато, прусы!

— Нет, сын, то еще Польша,— сказал отец и хлестнул вожжой буланого, чтобы быстрее ногами перебирал.

Шибче зашагал конек, да и телега вроде меньше скрипеть стала. А сын опять свое:

— Тато, прусы! [1].

— Перестань верещать. Родную Польшу не узнаешь?

Конек рысцой затрусил, словно воз полегчал. Телега на ухабах подпрыгивает.

— Прусы, тато! Польским языком тебе говорю, прусы! — уже не своим голосом заорал сын.

— Будь ты неладен,— выругался отец и остановил конька. Оглянулся назад и аж моргать перестал от удивления. Было с чего остолбенеть. От воза ровно половина осталась, а за телегой дорожка из зерна золотится.

Худые мешки оказались у хозяина.



Пятая сказка

Вы ничего не слышали о Домбровке? Удивительные люди в ней живут. Дома они строят без окон. Свет в мешках носят. С солтыса глаз не спускают. По праздникам солтыс красный жилет надевает. Как-то после воскресенья забыл его снять. Три дня в нем ходил. И все три дня селяне гуляли.

Однажды на чердаке одного из домов Домбровки черный кот поселился. «Плохая примета,— сказал солтыс,— выкурить кота надо». Хозяин поджег дом, а кот на другой чердак перебрался. Второй дом запалили. Кот в третьем оказался. И этот дом сожгли... К вечеру от села одни трубы остались.

Куда кот подевался, селяне так и не знают.

А то вот такое было. Прибегает утром к солтысу Ежи-маленький и говорит:

— В колодце сыр лежит. Огромная головка.

— Ну? — говорит солтыс.— Не врешь?

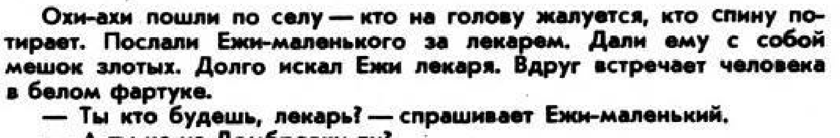
Пошли к колодцу. Посмотрели вниз. Верно. Сыр в воде плавает, янтарный весь. Но как его достать? Позвали помощников. Судили-рядили и наконец столковались. Солтыс полезет первым. Схватится за край сруба и повиснет ногами вниз. За его ноги зацепится другой, за этого — третий, и так цепочкой до самой воды.

Сказано — сделано. Полезли. Когда до сыра оставалось каких-нибудь два вершка, солтыс вдруг кричит сверху:

— Постойте! Ладони саднит. Поплевать на них надо.

Разжал он пальцы, и вся цепочка полетела в воду. Крепко расшиблись. Больше всех досталось солтысу. Выше всех висел.

А в колодце плавало отражение луны.



Охи-ахи пошли по селу — кто на голову жалуется, кто спину потирает. Послали Ежи-маленького за лекарем. Дали ему с собой мешок злотых. Долго искал Ежи лекаря. Вдруг встречает человека в белом фартуке.

— Ты кто будешь, лекарь? — спрашивает Ежи-маленький.

— А ты не из Домбровки ли?

— Угадал. Из Домбровки.

— Тогда и ты угадал. Лекарь я.

Обрадовался Ежи. И стал просить человека в белом фартуке пойти полечить его друзей. За это обещал мешок злотых: «Вот он, с собою таскаю».

— Идти с тобой в Домбровку нет времени, а вот верный совет за мешок злотых дать могу.

Согласился Ежи-маленький. Отдал мешок с деньгами.

— Ну что ж, тогда слушай,— говорит ему человек в белом фартуке.— Из того, кто больше всех пострадал, надо сделать мазь. И натереть ею больное место. Сразу все поправятся.

Прибежал Ежи в Домбровку и рассказал о совете человека в белом фартуке. И действительно, боль у всех как рукой сняло.

Удивительные люди живут в Домбровке.



Шестая... не-сказка

Действительно, жизнь иногда сказкой поворачивается. Тому пример сама Марина Оценцка-Бромкова. Ей тоже на пути встретилась добрая фея. И случилось это не на берегу озера, затерявшегося в лесных мазурских чащобах, а в Москве, в самом центре города, в гостинице «Метрополь».

Несколько лет тому назад Марина тяжело заболела. Стали пухнуть ноги. Многие врачи ее лечили — и в Ольштыне и в Варшаве. Но легче Марине не становилось. Болезнь спешила побыстрее разделаться со своей жертвой. Уже совсем отчаялась Марина, ходить стала с помощью костылей. Друзья посоветовали поехать в Москву, слышали откуда-то, что есть там больница, где знают средство борьбы с таким недугом.

Собрала Марина денег и тронулась в путь. Беда, однако, крепко вцепилась в нее. И в Москве ей поначалу не повезло. В больницах, где она была, не оказалось того волшебного средства. Совсем отчаялась Марина. Сидит утром в кафе «Метрополь» (в этой гостинице она остановилась), завтракает, а слезы в манную кашу капают. Мрачные картины рисовались перед глазами.

— Что с вами? — вдруг слышит она ласковый голос.— Откуда такое горе?

Подняла Марина голову от стола и видит: сидит перед ней девушка, курносая, розовощекая, чай пьет. Когда она подсела к столу, Марина и не заметила.

— Смотрю я, сильно вы убиваетесь. Может, помочь чем?

С трудом на русском языке поведала Марина незнакомке о своем несчастье.

— Это горе поправимо,— сказала Настенька (так звали девушку) и предложила ей остаться в Москве.

— Нет денег? Ничего, пока подыщу вам врача, поживете у меня.

Распоряжалась Настенька, как хороший старшина в роте. Тут же взяла у Марины билет (вечером она должна была уезжать в Варшаву), сдала его обратно в кассу и повезла ее к себе домой, на Шаболовку.

Не ожидала Марина такого поворота в своей судьбе. Через неделю Настенька устроила ее в клинику железнодорожников. А через месяц Марина Оценцка была уже в Ольштыне, без костылей, абсолютно здоровым человеком.

— Разве это не сказка о доброй фее? — сказала Марина.— Низкий поклон передайте Настеньке и вашей Москве.

Не одну чашку кофе выпили мы с Мариной Оценцкой-Бромковой. Кофе в Польше вкусный — душистый, крепкий. Марина рассказывает увлекательно. Но всему есть конец.

Довидзенья, Марина!

Звонко застучали каблучки ее туфель о каменные плиты тротуара Ольштына.

* * *

Седьмой сказки не будет. Ведь все самое интересное происходит в будни. А седьмой день недели — воскресенье. Люди отдыхают. В этот день они читают сказки.

[1] Пруссы, пруши — игра слов. При произношении иногда слышится как «прусы». Пруши — сыплется. Пруссы — пруссаки.

Б. Аверьянов. ЛЕС НОВОСТРОЙКАМ.

В. Стекольщиков. НА АЭРОДРОМЕ.

Л. Финогенова. В ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ.



В. Киселев. ЗИМКА.

КУБИНСКИЙ ДЕД МОРОЗ

Тимур ГАЙДАР

С середины декабря на Кубу пришла зима. Небо нахмурилось. С Мексиканского залива подул ветер. Крутые волны начали перехлестывать через парапет гаванской набережной. Рыболовы смотали удочки. Поток машин свернул с набережной на параллельную улицу. На Малеконе остались только бронзовые всадники. Под копытами их коней кипит на черном асфальте кружевная пена.

И чтоб уж никто не сомневался, что и вправду зима, в парки пришли маляры и начали красить из пульверизаторов тугие листья пальм в белый — под снег — цвет.

Гавана готовится к праздникам. Скоро Новый год и пятая годовщина победы революции. Алеют плакаты, трепещут на ветру флаги, на площадях рабочие монтируют новогодние «елки» — хитрые сооружения из алюминиевых труб, электрических лампочек, серебряных и зеленых лент. Деды морозы подгоняют обмундирование.

Очень интересный народ — кубинские деды морозы.

Недавно в комитет защиты революции «Франк Паис» — один из сотен гаванских комитетов — пригласили милисиано Рейнальдо Педро Сотолонго.

— Есть важное поручение,—сказали ему.— Будешь распределять игрушки.

Рейнальдо обиделся. Тоненький, пружинистый, перехваченный в талии широким поясом, на котором в потрепанной кобуре висит «смит и вессон», он смотрел на председателя комитета испепеляющим взглядом. Но председатель делал вид, что ничего такого не замечает.

— За игрушками поезжай завтра. Да смотри не набирай одних барабанов. О девчонках тоже подумать нужно. Понятно?

— Нет,— сказал Рейнальдо.— Нет! Непонятно!

И он произнес речь. Это была очень хорошая речь. Кубинцы вообще прекрасные ораторы, а Рейнальдо был еще крепко зол, и у него, по-видимому, есть талант.

Рейнальдо сказал, что революция развивается. Она покончила на Кубе с господством американского империализма. Уничтожила эксплуатацию человека человеком. Кроме того, революция переселила семью Рейнальдо, мать и сестренок, в новый дом. Сестры учатся. Он, Рейнальдо, работает и тоже учится. Учеба — важное дело, ибо народ, который учится,— это народ, который побеждает...

Привлеченные звонким голосом, в комнату заходили все новые слушатели.

Рейнальдо говорил с жаром:

— Приказывайте! Может, нужно отправиться на охрану побережья? Драться с бандитами? Убирать сахарный тростник? Может, есть еще какая-нибудь опасная или трудная работа? Только скажите! Все двадцать четыре часа в сутки он, Рейнальдо Педро Сотолонго, находится в полном распоряжении революции. Но распределять игрушки? Ему? Это просто смешно!

Рейнальдо даже похлопали. Уж очень он был хорош в своем искреннем негодовании. Сначала похлопали, а потом сказали, что игрушки нужно получать и распределять.

Со своего места у окна, заслоненный людьми, я с удовольствием разглядывал Рейнальдо. Было приятно, что он не изменился. Во всяком случае, не больше, чем должен измениться человек, который стал на три года старше.

Мы познакомились в апреле 1961 года в батальоне капитана Фернандеса во время боев на Плайя Хирон. Я был тогда на Кубе еще совсем новичком.

Батальон занимал позицию на шоссе неподалеку от деревушки Пальпита, примерно на полпути между сахарным заводом «Австралия» и прибрежным поселком Плайя-Ларга. Наступил рассвет. За спиной батальона неторопливо, по одному заухали орудия.

Капитан Фернандес сказал:

— Вам, компаньеро корреспонсаль, хорошо бы отправиться сейчас в штаб, в «Австралию». Там сосредоточиваются все данные. У вас будет общая картина хода операции...

Капитану очень не хотелось со мной возиться.

— Связной вас проводит. Эй, Рейнальдо!

Рейнальдо появился через час. На плече он нес огромную латунную гильзу от снаряда.

— Смотрите, — сказал он гордо.— Еще горячая!

Капитан сердился. Но я проявил к гильзе должный интерес, и мы с Рейнальдо подружились. Мы шли по шоссе.

Скоро я уже знал, что Рейнальдо любит оружие, что отца у него нет, мать моет посуду в ресторане «Лас Вегас», что до революции Рейнальдо продавал газеты.

— Не всегда, конечно, когда повезет...

Но про себя он рассказывал неохотно. С гораздо большим интересом расспрашивал, вдруг удивляясь, что, оказывается, в Советском Союзе тоже есть горы, что у нас не всегда трескучий мороз...

Мы вскочили в попутную машину. Выяснили, что она не попутная, и попали в другой батальон.

— Я привез к вам корреспондента, — сказал Рейнальдо важно.— Из Москвы. Его нужно накормить.

Он набил карманы галетами, расспросил про дорогу, и по болотистой тропинке, кратчайшим путем, мы снова выбрались на шоссе.

На шоссе мы догнали толпу беженцев из захваченной интервентами деревеньки углежогов. На плечи ребятишек были накинуты одеяла. Женщины несли узлы. Один из стариков почему-то тащил лопату.

Я начал расспрашивать, как все произошло. Рейнальдо взял у одной из женщин тяжелый узел, закинул его себе за спину. Он посерьезнел, нахмурился, молча слушал.

— Стойте,— вдруг решительно заявил он.

Он передал мне узел. Отстегнул от пояса и протянул женщине фляжку с водой. Выгреб из кармана галеты, высыпал их в горсти ребятишкам.

— До «Австралии» отсюда близко. Вы не собьетесь. А я пошел обратно. В батальон.

Перед тем как скрыться за поворотом, Рейнальдо повернулся и поднял вверх сжатый кулак.

— Венсеремос!

Потом я его видел еще раз, но уже мельком из машины, сразу после разгрома десанта. Забравшись на подбитый «шерман», который стоял у самого берега бухты, он снимал с танка антенну.

С тех пор прошло немало времени: «год народного образования», «год планирования», «год организации». Я потерял Рейнальдо. И вот неожиданно увидел его снова накануне праздников в комитете защиты революции «Франк Паис».

Мы вышли из комитета и по узенькой улице поднялись к просторной площади Капитолия, залитой огнями. Здесь было людно: смех, шум, песни. Из репродукторов, установленных на здании радиостанции «Кадена Гавана», доносился голос диктора: «В ознаменование пятой годовщины революции рабочие сахарных сентралей провинции Лас Вильяс...» У Капитолия танцевала молодежь. «Мани!», «Мани!» — задорно выкрикивал мальчишка, продающий кулечки горячих жареных орехов. Высоко в черном небе вспыхивали и гасли алые неоновые слова: «Производство. Оборона. Учеба».

Под навесом кафе, раскинувшимся над тротуаром, мы заняли столик.

— Ну, рассказывай!

Но надо же знать Рейнальдо... То его потянет на речь, то не выжмешь и слова. Умудренный опытом, я не настаивал. Мы пили кофе. Потом начали вспоминать Плайя Хирон. Постепенно Рейнальдо разговорился.

Оказывается, до сих пор мы не встречались просто случайно, ведь наши пути не раз пересекались. После Плайя Хирон он работал в типографии газеты, в редакции которой я бываю часто. Потом его послали на ликвидацию неграмотности в провинцию Пинар дель Рио, в деревню Эсперанса. Рейнальдо жил там в семье рыбака, ходил с ним в море, крепко укачивался, но грамоте рыбака все же выучил. Вернувшись в Гавану, Рейнальдо стал учиться в вечерней школе. Учебу не раз приходилось прерывать: ездил с бригадой в Камагуэй на уборку сахарного тростника, конец октября и ноябрь прошлого года провел в окопах: ждали вторжения. Сейчас он снова в типографии и на подготовительном отделении рабфака.

Нет, совсем не прежний, а новый, очень изменившийся Рейнальдо сидел передо мной. У него те же повадки, то же лицо, на котором большие черные глаза и смеются и сердятся разом. А сам он другой, каким никогда бы, пожалуй, и не стал, если б на Кубе за это время прошли просто годы— шестьдесят первый, шестьдесят второй, шестьдесят третий, а не революционные «год народного образования», «год планирования», «год организации». И я снова ощутил, какое на самом деле огромное расстояние отделяет и Рейнальдо и всю страну от того утра первого января 1959 года, когда четырнадцатилетний разносчик газет Рейнальдо Педро Сотолонго выбежал на улицу с экстренным выпуском «Эль Мундо» и помчался, выкрикивая заголовки: «Побег Батисты!», «Падение тирании!», «Колонны Фиделя Кастро идут к Гаване!»

...Мы уже попрощались, но Рейнальдо снова обернулся.

— Слушай, может, посоветуешь? Что за игрушки этим девчонкам нужно брать? Куклы — понятно. А еще?

Он пошел через Прадо, сквозь ночную предпраздничную Гавану, звонко постукивая по мраморному настилу бульвара солдатскими башмаками. Пошел становиться дедом морозом, раз это нужно для революции.

Гавана, по телефону.

К 80-летию Сайруса Итона

НАШ АМЕРИКАНСКИЙ ДРУГ

В тяжелые для Соединенных Штатов дни, когда флаги были приспущены и народ переживал гибель президента Кеннеди от злодейской пули, мы, группа деятелей советской культуры, путешествовавших по этой стране, прилетели из Чикаго в Кливленд. Мы разделяли горе американцев. На душе было тяжело. Все, что видишь в такие моменты, как-то особенно запоминается. И вот, когда наш самолет подрулил к кливлендскому аэровокзалу, первое, что мы увидели, была высокая сухощавая фигура нашего старого знакомого Сайруса Итона и милое, оживленное лицо его жены.

Супруги Итон сделали все, чтобы за дни пребывания в Огайо мы смогли увидеть все самое интересное. Перед нами открылись двери школ, колледжей, заводов, музеев, художественных выставок, квартиры американцев.

— Знать друг друга — это значит понимать. А понимание — это и есть основа мирного сосуществования,— говорил Сайрус Итон.

Сайруса Итона считают одним из крупнейших, как говорят в Америке, «капитанов промышленности». Но это человек удивительно разносторонний. Огромные дела, которыми он руководит,— заводы, железные дороги, банки — не мешают ему отдавать свободное время селекционным работам в области животноводства. Переодевшись в старенький брезентовый плащ, в сапоги и надев выгоревшую широкополую ковбойскую шляпу, он водил нас в животноводческие помещения фермы, показывал скот выведенной им новой породы.

В свободную минуту хозяин продемонстрировал нам свою русскую тройку, подаренную ему Н. С. Хрущевым. Прекрасные кони. Хозяин был ими очень горд. И мы, прокатившись, получили огромное удовольствие от этого, увы, уже несуществующего вида транспорта.

А вечер мы провели у камина, в гостиной небольшого деревянного дома. Отличный вечер! Вместе с хозяевами пели русские и американские песни, спорили, толковали о жизни. У всех было чувство, будто мы очень хорошо, близко знаем этого спокойного внимательного человека. В его кабинете, на отдельном столике многочисленные награды, медали, знаки отличия. В центре знак лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». В тяжелые времена, когда «холодная война» леденила человеческие души, он положил почин международным конференциям ученых, которые получили название пагуошских.

— Другого выхода нет. Другой выход — это истребительная война, уничтожение культурных ценностей, уничтожение самого человеческого рода,— говорил он взволнованно.— Когда все это поймут и сделают из этого выводы, начнется эра мирного сосуществования.

Мы знали: это не только слова. Мы знали, что в последнее десятилетие этот мудрый пожилой человек и его супруга посвящают борьбе за мир много времени. Сайрус Итон — один из самых испытанных и страстных борцов за мир на земле.

Юлия ПОЛЕВАЯ



ПРО СВАДЬБЫ

Это цифры о самом радостном в жизни событии.

ДВА МИЛЛИОНА ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ СВАДЕБ отпраздновано у нас в 1962 году.

СВЫШЕ ШЕСТИ ТЫСЯЧ СВАДЕБ ежедневно.

260 НОВЫХ СЕМЕЙ появлялось каждый час.

ЧЕТЫРЕ СВАДЬБЫ — в минуту.

По сравнению со многими странами Западной Европы и Америки в Советском Союзе оформляется ежегодно значительно больше браков.

В расчете на тысячу жителей в 1962 году заключалось:

В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ — 10 браков,
ФРГ — 9,2,
США — 8,5,
АНГЛИИ — 7,5,
ФРАНЦИИ — 6,7,
НОРВЕГИИ — 6,5.

В Советском Союзе холостяков меньше, чем в США. В 1959 году из каждой тысячи мужчин в возрасте от 21 до 35 лет состояло в браке: в СССР—697, в США—678; в возрасте 34—45 лет соответственно —957 и 851; в возрасте 45—55 лет — 960 и 838.

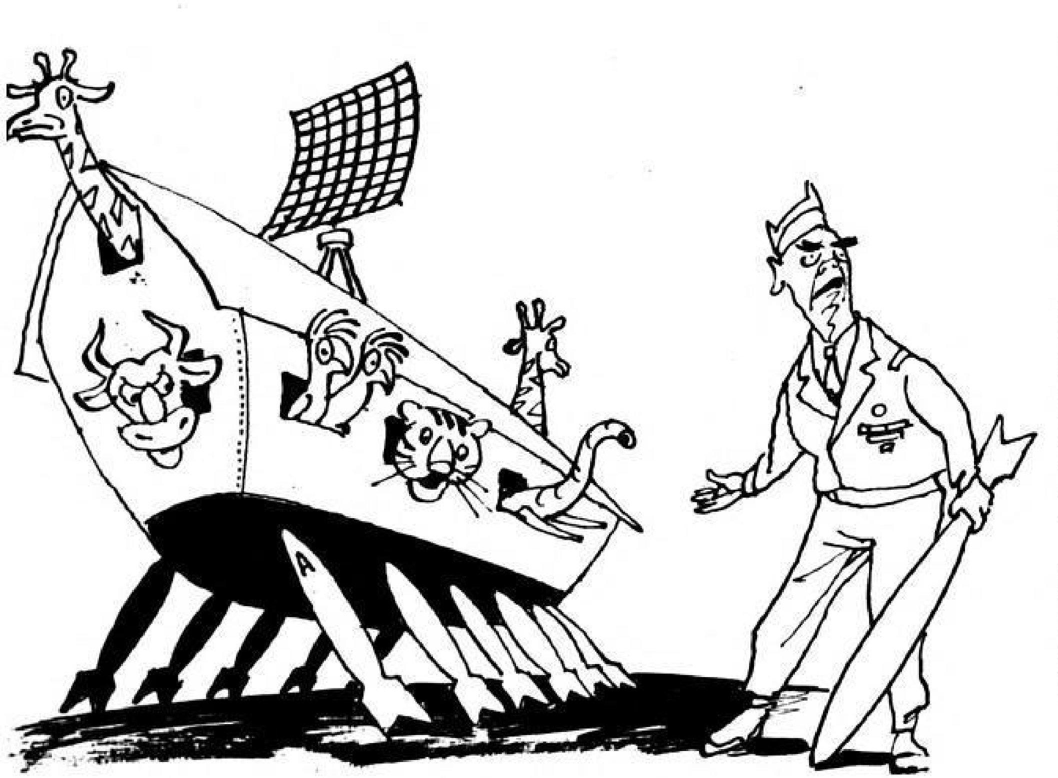
Брак в СССР, как правило, более прочен, чем за рубежом. В 1962 году на каж-

ПРОТИВОАТОМНЫЙ... ХЛЕВ

Андре ВЮРМСЕР

Памфлет

Рисунок Ю. Черепанова.



Ассошиэйтед Пресс — это не клуб шумливых молодых людей и не общество чудаков, помешанных на вегетарианстве или филателии. Это — солидное агентство, которое сообщает солидные новости солидным газетам.

4 декабря 1963 года в выпуске № 97, который появился в Вашингтоне, содержалась информация, которую я здесь воспроизвожу дословно: «Инженеры и архитекторы министерства сельского хозяйства разработали проект хлева, который в случае необходимости может служить атомным убежищем для четырех коров и семьи из шести человек».

Альфред де Мюссе назвал свою комедию «Девичьи грезы». А вот о чем грезят архитекторы и инженеры министерства сельского хозяйства США: уберечь поголовье не только от ящура, но и от атомной чумы, как будто в стране нет более актуальных аграрных проблем! Короче говоря, очередной вариант игры в прятки с атомным оружием.

Итак, одно из двух. Если посыплются атомные бомбы, молоко спасенных коров не спасет миллионы людей. В этом случае архитекторы и инженеры министерства сельского хозяйства зря потратили свое время и деньги налогоплательщиков, сочиняя проекты противоатомного хлева. Если же атомные бомбы будут сданы в металлолом, то в этом случае архитекторы и инженеры министерства сельского хозяйства тем более зря ухлопали свое время и деньги налогоплательщиков.

Лучше бы министерство сельского хозяйства отправило в отпуск этих архитекторов и инженеров вместо того, чтобы они занимались выдумыванием своего дурацкого хлева.

Это было бы вдвойне полезно:

дые десять тысяч населения разводов приходилось: в СССР — 13, США — 22.

Существует свой неписаный «свадебный календарь». По многолетним наблюдениям, больше всего браков заключается поздней осенью и зимой. На ноябрь, декабрь, январь и февраль приходится 38—40 процентов всех свадеб. Пора свадебного «затишья» — это апрель, май, июнь и июль. Но и летом по всей стране празднуется не менее 150 тысяч свадеб в месяц.

Интересны данные о возрастном составе молодоженов. До войны почти 26 процентов невест были моложе 20 лет. Рост числа студентов высших и средних специальных учебных заведений (по сравнению с 1940 годом — в три раза) заметно сказался на сокращении количества ранних браков. Молодежь предпочитает сначала закончить учебу, а затем уж заводить семью. Сейчас удельный вес ранних браков сократился по сравнению с довоенным 1940 годом в два раза. В 1961 году, например, среди молодоженов имелось только 3,7 процента мужчин и 13,7 процента женщин моложе 20 лет.

20—22 ГОДА — таков ныне преобладающий возраст невест. Женихов — 22—24 года...

СВЫШЕ 86 МИЛЛИОНОВ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН состояло в браке (на 10 миллионов больше, чем в 1939 году) — таковы данные последней переписи населения Советского Союза.

50 МИЛЛИОНОВ СЕМЕЙ, ОБЪЕДИНЯЮЩИХ 187 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК, ЗАРЕГИСТРИРОВАНО ПЕРЕПИСЬЮ 1959 ГОДА.

ИЗ КАЖДОЙ ТЫСЯЧИ ЖИТЕЛЕЙ 898 ЖИВУТ В СЕМЬЕ, 57 — отдельно от семьи, но связаны с ней общим бюджетом (на учебе, в длительных командировках) и 45 человек являются одиночками.

СРЕДНИЙ РАЗМЕР СЕМЬИ составляет сейчас 3,5 человека в городе и 3,9 — в сельской местности.



Невеста.
Фото Майи ОКУШКО.

На международной выставке «Пресс-фото-63» в Гааге за этот снимок присужден второй приз.

во-первых, специалисты министерства сельского хозяйства могли бы за это время совершенствоваться в своем деле; во-вторых, они смогли бы присутствовать на чемпионате по бейсболу или кэтчу — спорту, правда, грубому, но, разумеется, бесконечно менее опасному, чем систематическая пропаганда атомных ужасов.

Соединенные Штаты много выиграли бы, отпустив в оплачиваемый отпуск не только этих архитекторов, но и всех тех, кто занимается подготовкой к использованию атомных бомб, начиная с военщины, чье ремесло весьма разорительно и чьи профессиональные упражнения весьма опасны для общего блага.

Попутно я хотел бы заметить, что не следует путать военщину с солдатами.

Солдат — гражданин, который надевает мундир, чтобы защищать свою страну. Настоящий солдат рад возможности снова стать штатским.

Если советский маршал с энтузиазмом говорит о разоружении и мечтает о крупной операции по возведению плотины или освоению пустыни, то это показывает, что он солдат, а не представитель военщины.

Военщина же, напротив, мечтает о том, чтобы все граждане стали солдатами и пали смертью храбрых во славу военщины.

Соединенные Штаты могли бы очень много выиграть — деньги, человеческие жизни, престиж,— если бы они отправили в отпуск свою военщину. Было бы, конечно, еще лучше заставить ее создавать полезные вещи.

Но знаете ли, каково было продолжение аферы с этим противоатомным хлевом?

На заседании военного совета, где рассматривался проект противоатомного хлева, министр народного просвещения выступил с возражением, исполненным здравого смысла и самых лучших чувств. «Справедливо ли,— спросил он,— заботиться только о рогатом скоте? Не говорит ли это о пошлом утилитаризме? И разве нет других, более мелких существ, беззащитных перед красной опасностью, которые заслуживают доверия всей славной Америки и в особенности ее старых дев?» Его замечание было учтено, архитекторы и инженеры министерства сельского хозяйства переработают свой проект: число людей, которые смогут укрыться в противоатомном хлеву, сократят до четырех, коров — соответственно до трех, но зато будут добавлены корзина для кота, собачья конура и клетки для попугаев.

Таким образом, министр был удовлетворен, чего нельзя сказать о представителе Дакоты. «Я,— воскликнул этот парламентарий,— я такой же западный, как Чан Кай-ши, такой же атлантический, как Швейцария, такой же христианский, как Турция! Так разве можно, господа, чтобы животные, символизирующие в глазах «свободного мира» великие Соединенные Штаты Америки, разве можно, чтобы эти животные не были защищены от радиоактивных осадков?»

Все признали, что «свободный мир» увидел бы в этом досадную смесь неблагодарности и отступничества. А потому в хлев за счет одного двуногого и одной коровы ввели пару очень демократических ослов и пару весьма республиканских слонов.

Но тогда шеф полиции Техаса запротестовал против того, что он назвал возмутительной сегрегацией, противоречащей всем принципам свободы. «Господа, что получится, если мы сочтем достойными нашего покровительства только полезных или безвредных животных? Такой подход был бы прямо-таки марксистским и совершенно антиамериканским! Как же тогда быть с самыми жестокими животными, с самыми кровожадными хищниками? Наша демократия распространяется и на Даллас, а наша дипломатия имеет дело с такими деятелями, как Франко и Салазар».

Все признали благородство этого выступления. Его даже процитировали негритянским студентам, которые имели осторожность отказаться от учебы в университете Алабамы, как внушительный пример демократической объективности и признанного права хищников располагать собой и своей добычей.

В конце концов хлев был спроектирован таким образом, чтобы там могло поместиться по паре всех животных, а также инженеры, архитекторы, министр сельского хозяйства и директор Ассошиэйтед Пресс. Со временем были внесены различные конструктивные усовершенствования. Например, ему придали форму корабля. Чтобы пассажиры могли узнать, кончился ли атомный потоп, в кабине этого ковчега поместили специальные аппараты.

— Главное — когда на ковчег вернется голубь, то прежде чем его зажарить, не забудьте засунуть ему под хвост гейгеровский счетчик и убедиться, что птица съедобна!

— О'кэй! — кивнул Джонни Ной.

А я хочу еще спросить: неужели же род людской так глуп, чтобы самому себе устроить следующий потоп — уже не водяной, а огненный? Неужели человеческий разум не способен выдумать ничего другого, кроме противоатомного хлева?

Дорогие друзья, на пороге нового года я поднимаю мой стакан молока за людей доброй воли и за здравый смысл!

Г. БЛЮМИН, инженер



Завод — известный и большой,
Внутри — цеха и люди.
Иду через кузнечный зной,
Здесь стук железо будит.

Здесь молот, от работы пьян,
Над раскаленной втулкой,
Как одноногий великан,
Приплясывает гулко.

Иду к станку сквозь лязг и гуд,
Иду чумазым франтом:
Спецовок новых не дают
Студентам-практикантам.

И вдруг, волнуясь, замер я
У красоты во власти:
Как будто предо мной заря,
Разбитая на части.

И вдохновиться я готов:
В лучах скупого света
Сверкают россыпи шаров,
Уложенных в кассеты.

В них виден труд друзей и мой,
Я счастлив с ними рядом,
Пусть полюбуются собой,
Моим влюбленным взглядом.

Шары и шарики пока
Сияют здесь, но, значит,
Их скоро точная рука
В подшипники упрячет.

В машины влезут, не боясь
Ни холода, ни жара,
И обегут немало раз
Вокруг земного шара.



Почти четверть века руководит Театром имени Моссовета Юрий Александрович Завадский.
Фото Риммы Лихач.

40-летие Театра имени Моссовета

Секрет жизнеспособности

Беседа с народным артистом СССР
Ю. А. ЗАВАДСКИМ

«Передовой аванпост революционного театра» — так назвал Анатолий Васильевич Луначарский Театр имени МГСПС в день пятилетия.

Было это в 1928 году. Давно уже к саду Эрмитаж, где помещался тогда созданный по инициативе профсоюзов молодой театр, проложили москвичи зимний путь. И не только жители столицы, но и те, кто приезжал в Москву на два-три дня, непременно старались побывать в Каретном; там на сцене всегда близкая, родная обстановка, герои спектаклей — товарищи по гражданской войне и мирному строительству. Особенным успехом пользовался «Шторм» В. Н. Билль-Белоцерковского. Порой его ставили целый месяц подряд.

Так в здании, где возник когда-то Художественный общедоступный театр, обративший свое искусство к простому человеку и рассказывающий о нем, словно приняв от него эстафету, родился и вырос после революции театр советской пьесы, большой политической темы, остро современного содержания. Своей главной задачей он считал приобщение широких масс к искусству. Руководил труппой Е. О. Любимов-Ланской.

Шли годы... Верность — вот слово, которое характеризует линию театра за весь этот огромный период,— верность принципам, заложенным при возведении фундамента театра: большая, главная тема, современность; верность людям, пришедшим в театр.

Драматурги, режиссеры, актеры, получавшие на этой сцене крещение, встречали здесь совершеннолетие и зрелость, становились знаменитыми мастерами, становились гордостью всего советского театра, но оставались верными своему коллективу. Сохранил театр верность и зрителю: всегда заботился о нем, о его духовных запросах, никогда не превращая искусство в самоцель, в театр для избранных.

«Мы постоянно думаем и помним о том, каким мечтал Ленин видеть театр,— говорит нам главный режиссер театра Юрий Александрович Завадский.— Театр должен стать насущной потребностью человека, его духовным помощником. Учителем и Слугой. Это возможно только тогда, когда артисты будут нести людям большое искусство. Когда мы говорим о единственно возможном для настоящего художника пути — искусство в массы, то всегда следует помнить, что в массы нужно нести только настоящее, большое, высокое искусство, а не суррогат.

Посещение театра — праздник, событие. Иначе не может быть. Все разговоры о том, что театр отомрет, что его заменят кино и телевидение, бессмысленны. Кино и телевидение — это различные формы существования театра, производные от него виды искусства, но ни в коем случае не равноценная замена. Ведь в их основе также лежит искусство актера. А потребность зрителя в живом общении с актером вечна, неистребимо его стремление присутствовать





ИНДИЯ —

РАДЖ КАПУРУ

Дорогой Радж!

Как-то при последней встрече в Москве Вы назвали меня, дублировавшего всех Ваших героев, своей русской душой.

Так вот эта душа поздравляет Вас! Она огорчена длительной разлукой с Вами, с Вашими новыми героями...

Пусть в новом году мы встретимся снова на экране, и пусть эта встреча будет самой радостной.

Ваш
Николай Александрович,
заслуженный артист РСФСР.

г. Москва.

ЕРЕВАН — МЕЛИНЕ МАНУШЬЯН

Дорогая Мелина!

В прошлом году в фильме «День и час» мне посчастливилось сыграть женщину, которая становится борцом Сопротивления. Когда мы работали над этой картиной, мы часто смотрели на фотографию Вашего мужа, возглавлявшего во Франции одну из групп Сопротивления. Французы хорошо знают эту фотографию, она была расклеена в годы фашистской оккупации на стенах многих домов. Знают ее и москвичи,— ведь фотография вошла в наш фильм. Незримо в нем присутствовали и Вы. И, быть может, в этой роли я немножко играла Вас.

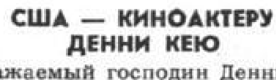
Я так хочу, чтобы Новый год принес Вам радость, здоровье, счастье — словом, все то, за что Вы боролись у нас во Франции в те трудные годы.

Мне хочется поздравить с Новым годом и всех вас, мои дорогие знакомые и незнакомые друзья, и пожелать вам в новом году быть такими же счастливыми, какими всегда бываем мы — Ив Монтан и я — в вашей стране.

Симона СИНЬОРЕ

Париж.





США — КИНОАКТЕРУ ДЕННИ КЕЮ

Уважаемый господин Денни Кей!

Собравшись у новогодней елки, мы пели ту хорошую песню, которая Вам очень понравилась. Помните:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо...

Все ребята считают, что Вы то же поете вместе с нами, как было летом, когда Вы гостили у нас в лагере!

Ребята из пионерского лагеря
Механического завода
имени М. И. Калинина.

г. Подольск.



при процессе творчества, участвовать своей реакцией».

Да, на спектаклях Театра имени Моссовета это становится особенно очевидно: ведь в труппе такие замечательные мастера, как С. Г. Бирман, П. О. Герага, В. П. Марецкая и Л. П. Орлова, Н. Д. Мордвинов и Р. Я. Плятт, Ф. Г. Раневская, К. К. Михайлов. Участие любого из них в спектакле — всегда залог успеха. Но, кроме всемирно известных артистов, в театре ярко представлено второе и третье поколения.

Театр не может стареть, он должен быть обращен в будущее. Поэтому на афишах, а стало быть, и в спектаклях не меньшее место занимают молодые артисты, режиссеры, художники, драматурги. Так, Нору в одноименной пьесе Ибсена играет в очередь с Любовью Орловой еще недавняя участница самодеятельности Ия Саввина, Василия Теркина — Олег Анофриев. И за такими молодыми именами, как Тамара Чернова, Нина Дробышева, уже стоят значительные, полюбившиеся зрителю образы...

Побывав на репетициях новых постановок, мы увидим, что осуществляют их наряду с ведущими режиссерами театра, такими, как А. Л. Шапс и И. С. Анисимова-Вульф, молодые — Шатуновский и Е. Завадский.

«Но молодость театра — это не только возраст артистов, это жизнеспособность спектаклей,— продолжает Юрий Александрович.— Мы стараемся не ставить пьесы-однодневки, а те спектакли, которые идут по многу лет, претерпевают немало изменений. Жизнь непрестанно подсказывает более современный актерский и режиссерский рисунок отдельных сцен, образов, а порой и всей постановки. Говоря о современном прочтении, я имею в виду, конечно, и классику. Наши завсегдатаи знают, сколько изменений претерпели «Виндзорские насмешницы» Шекспира, «Маскарад» Лермонтова — сейчас мы начинаем показывать его в новой редакции — и другие спектакли.

Партийность искусства немыслима без мастерства. Доказательством тому мы считаем постановку «Совести» по роману Д. Павловой. Значительным этот спектакль смог стать благодаря его высокому профессиональному накалу. В стремлении к духовному контакту и эстетическому воспитанию зрителя мы не ограничиваемся одной лишь работой на сцене. И в фойе у нас не только красивый интерьер; здесь продолжает свою жизнь спектакль. Тема борьбы за мир и дружбу народов на спектакле «Бунт женщин» продолжается в ярких плакатах и рисунках. Шоу — человек и гражданин — здесь раскрывает свой мир, свои взгляды, когда на сцене пьеса «Милый лжец».

Когда идет «Совесть», со стен фойе на зрителя смотрят большие портреты тех людей, совесть и жизнь которых стала для нас мерилом и критерием.





Дорогой «Огонек»!

Мой тост — за то, чтобы наступающий 1964 год стал для всех нас годом счастья и мира, годом разума и прогресса.

За общие наши успехи и радости, за вас, друзья и братья — советские люди!

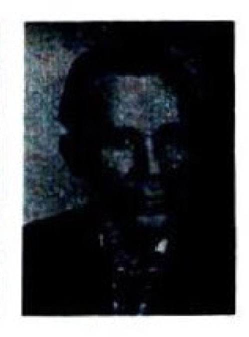
Лео ХААС, художник (ГДР)

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1963 ГОД


В. Астафьев.


Н. Ананьев.


Г. Беляков.

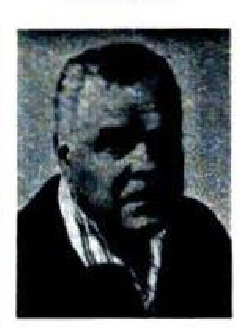

Н. Быков.


Дм. Бальтерманц.


А. Бочинин.


Н. Грибачев.


И. Глазунов.

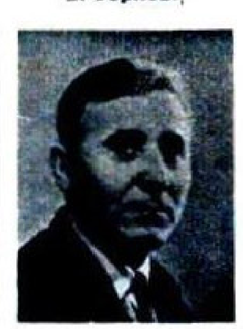

В. Горяев.


В. Гальба.


М. Домогацких.


К. Зелинский.


Зульфия.


А. Калинин.


Ф. Кнорре.


В. Кулемин.


А. Кешоков.


О. Кнорринг.


Ф. Кривин.


Г. Макаров.


Я. Рюмкин.


М. Савин.


Вас. Федоров.


З. Хирен.

Редакционная коллегия журнала «Огонек» отметила денежными премиями лучшие произведения, напечатанные в журнале в течение 1963 года.

В. АСТАФЬЕВ (Пермь) — рассказ «Далекая и близкая сказка» (№ 47). Н. АНАНЬЕВ — обложка № 46 «На Марсовом поле». Г. БЕЛЯКОВ — рассказ «Листопад» (№ 32). Н. БЫКОВ — очерк «Последний снег» (№ 15). Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ — фотоочерки «Созвездие Братска» (№ 36), «Слава покорителям Енисея!» (№№ 14—15). А. БОЧИНИН — серия фотоочерков о спорте. Н. ГРИБАЧЕВ — поэма «Рыжий» (№ 29). И. ГЛАЗУНОВ — иллюстрации к собранию сочинений Мельникова-Печерского (литературное приложение). В. ГОРЯЕВ — рисунки к рассказу Фрэнка Харди «Финал бильярдного турнира» (№ 43). В. ГАЛЬБА — рисунки к поэме Н. Грибачева «Рыжий» (№ 29). М. ДОМОГАЦКИХ — зарубежные очерки. К. ЗЕЛИНСКИЙ — очерк «Маяковский» (№ 47). ЗУЛЬФИЯ — стихи «Сердце всегда в пути» (№ 26). А. КАЛИНИН — повесть «Эхо войны» (№№ 34, 35, 36). Ф. КНОРРЕ — рассказ «Соленый пес» (№ 20, 21). В. КУЛЕМИН — стихи «Только о любви к тебе» (№ 3). А. КЕШОКОВ — «Стихи-стрелы» (№ 34). О. КНОРРИНГ — фотоочерки «Два часа», «Жив солдат!» (№№ 9, 19). Ф. КРИВИН — серия литературных миниатюр. Г. МАКАРОВ — фотоочерк «Воздух — Воздух» (№ 34). Я. РЮМКИН — фотоочерк «Минус 45°» (№ 7). М. САВИН — фотоочерк «Мещерская сторона» (№ 21). Вас. ФЕДОРОВ — стихотворения «Из книги любви» (№ 10). З. ХИРЕН — очерк «Бегство» (№ 34).

Пагубная страсть



Дьердь МИКЕШ

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

Был день зарплаты. Во внутреннем кармане моего пиджака ласково согревал сердце конверт с честно заработанными деньгами. Я направился домой, когда вдруг передо мной вырос Кемень по прозвищу «Книжный червь» и воскликнул:

— Ну, зайдем в букинистический?

Всем известно, что Книжный червяк — запойный книголюб. Все деньги он тратит на книги. Рубашка и рукава пиджака у него обтрепаны, штаны заношены до блеска, а сзади даже светятся, но он не обращает внимания на подобные мелочи. Под глазами у него круги от беспробудного чтения, лицо желтое, как страницы древних папирусов. Он уже был на излечении, его пытались поставить на ноги курсом инъекций скучнейших книг Ленке Байза Беницкинэ и Михая Фельди, но все это не дало никакого результата. Полгода он держался, пил только ром, а затем пагубная страсть вновь овладела им.

— Не пойду, Книжный червяк! — гордо и решительно произнес я.— Зря ты меня соблазняешь, я не пойду покупать книги. Дома меня ждут жена и дети. Не пойду, и точка! Я начал новую жизнь...

— А-а, не болтай! — ткнул меня в бок Книжный червь.— Только одну брошюрку за мое здоровье. Я угощаю! Сегодня день моего рождения. Ты мой гость!

— На прошлой неделе у тебя уже был день рождения. Сказал— не пойду, и баста...

И все же я пошел с ним в букинистический магазин, правда, категорически предупредив:

— Только одну брошюру!

Мой приятель кивнул и клятвенно поднял руки. Переступая порог, я дал себе обет, что иду сюда последний раз и это, собственно говоря, прощальный визит. Больше я и близко к магазину не подойду!

Как всегда, в день получки магазин был полон. Нас встретила нездоровая тишина и тихий шелест книжных страниц. Дружки-завсегдатаи подняли головы от книг и тихо поздоровались, однако многие уже настолько захмелели, что даже не узнали меня. Мутными глазами они уставились на меня из-под очков, а затем снова уткнулись в книги.

Мой приятель принялся лихорадочно рыться в ящиках и совсем забыл обо мне. Нерешительными шагами я подошел к полке и наугад вытащил книгу. Мне посчастливилось: именно эту книгу я искал уже полгода. Обуреваемый жаждой, я листал ее, затем, прикрыв глаза, понюхал. От книги исходил приятный затхлый аромат. Я почувствовал, как он одурманивает мой мозг и сердце становится легким, словно пушинка.

— Куплю,— пробормотал я, но, взглянув на цену, моментально протрезвел. Молча я поставил книгу на место и уверенными шагами направился прямо к двери. Книжный червяк побежал за мной.

— Ты куда? — шепнул он. Руки его были полны книг, глаза косили от наслаждения. Насмешливо улыбнувшись, он приблизил свой пыльный нос к моему лицу и презрительно спросил:



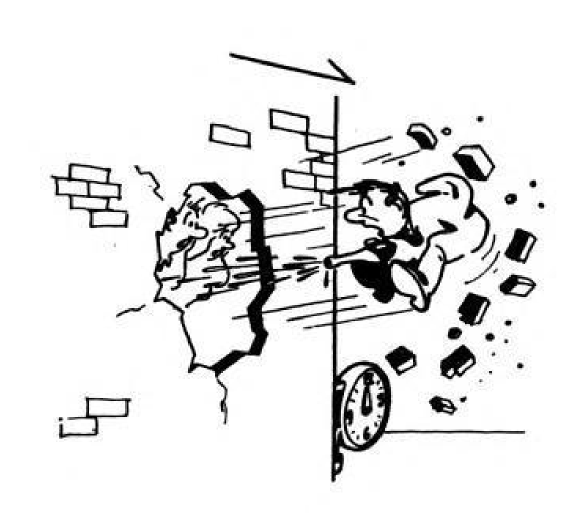
— И куда ж ты такой вымахал?
— А я, дедушка, високосный.

Рисунок Б. Боссарта.



— Итак, назад по этой улице я не пойду.

Рисунок И. Оффенгендена.



Выдержанное шампанское.

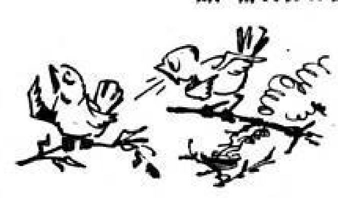
Рисунок Б. Боссарта

— Домой собрался, к мамочке?
— Пойдем и ты! — умолял я.— Пока еще не поздно!
— Ты за меня не бойся! — грубым, хриплым голосом сказал он.— Иди куда хочешь! Я остаюсь. Я не боюсь жены! Я не считаю каждый грош, как ты. Если хочешь, иди. Никто тебя не задерживает!
Так я и ушел, как же! Я покажу этим дружкам, что не боюсь никого и ничего. Я вернулся к книжным полкам. Книжный червяк шел за мной и теперь уже дружелюбно шептал мне на ухо:
— Купим только одну-две книжечки. Ей-богу! А потом алле, марш домой! Ей-богу!
Полчаса спустя передо мной уже лежало восемь книг. Забившись в прохладный, затянутый паутиной угол, мы вспоминали с Книжным червем старые добрые времена, когда вместе ходили из одного букинистического магазина в другой и проматывали всю получку на редкие издания. Книжный червяк дрожащим от умиления голосом припоминал, как мы стащили у нашего общего друга собрание сочинений Йокаи в ста томах.
Мы оставались в магазине до закрытия. Старый добрый букинист несколько раз просил нас удалиться, он должен был кончать работу, но мы все бродили среди книг и распевали песню «Шумел, как мышь, а полки гнулись»... Пели, конечно, пиано, как и приличествовало месту, где мы находились.
У магазина я расцеловался на прощание с Книжным червем, который называл теперь меня братом, и, нагруженный книгами, пошел домой.
Жена уже ждала меня.
— Позволь узнать, где ты был?
Эти несколько слов подействовали на меня, как холодный душ. Как ни крутись, а надо было оправдываться:
— Понимаешь, кисонька, эта скотина, этот помешанный книжник Кемень, ты знаешь его, Книжный червяк... Так вот, он заманил меня в букинистический купить только одну брошюрку...

Перевела с венгерского Елена Тумаркина.

Скирли

М. МАЛИШЕВСКИЙ



КОРОЛЕК И ПЕНОЧКА

— Пеночка! У тебя гнездо горит! — закричал на весь сад Королек.
А Пеночка отвечает:
— Ты заметил — ты и туши! Кто это за тебя тушить будет?

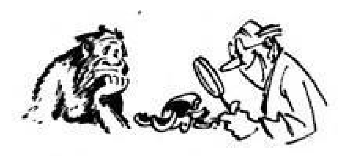


МАРТЫШКА И ФИНИК

Увидела Мартышка финик.
«Вот,— думает,— угощу сынишку!»
Схватила детеныша за хвост и — со всех ног на пальму.
— Угробишь младенца! — кричит ей с пальмы птица носорог.
А Мартышка отвечает:
— Ну уж извините! Что-нибудь одно: либо детей кормить, либо о детях заботиться!

ХОЗЯЙСТВО

Сидит в пещере Доисторический человек. Горшок лепит. Вылепил горшок, обжег на огне, поставил возле себя, зацепил ногой и разбил.
— Ах, черт! Досада какая: разбил горшок! Ну, ладно, потом склеится!
Склеил горшок Археолог несколько тысячелетий спустя.



САДОВНИК И ЗАПАХ РОЗ

Садовника спросили:
— Как ты достигаешь такой тонкости в запахе роз?
— Я разбираюсь в запахе навоза, которым удобряю розы!





НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ
Гости и хозяева.
Рисунок Ю. Черепанова.

Ехидные мелочи

Люди, которые никогда не смеются,— несерьезные люди.
А. Але

Когда кто-нибудь назовет тебя дураком, молчи и подумай: «Может быть, он прав».
Нино Манфреди, итальянский актер

Хорошая брачная пара состоит из двух половин: более сильной и более хорошей.
Виктор де Кова, киноактер

БРОВИ

Врненский профессор-окулист Богуслав Славик объясняет своим студентам функцию бровей:
— Брови должны предохранять глаза от пота, стекающего со лба. Кто не работает, тот не потеет, а поэтому его вполне удовлетворяют выбритые брови, нарисованные тушью.



Торжественное открытие новогоднего бала.
Рисунок Вл. Гальбы.



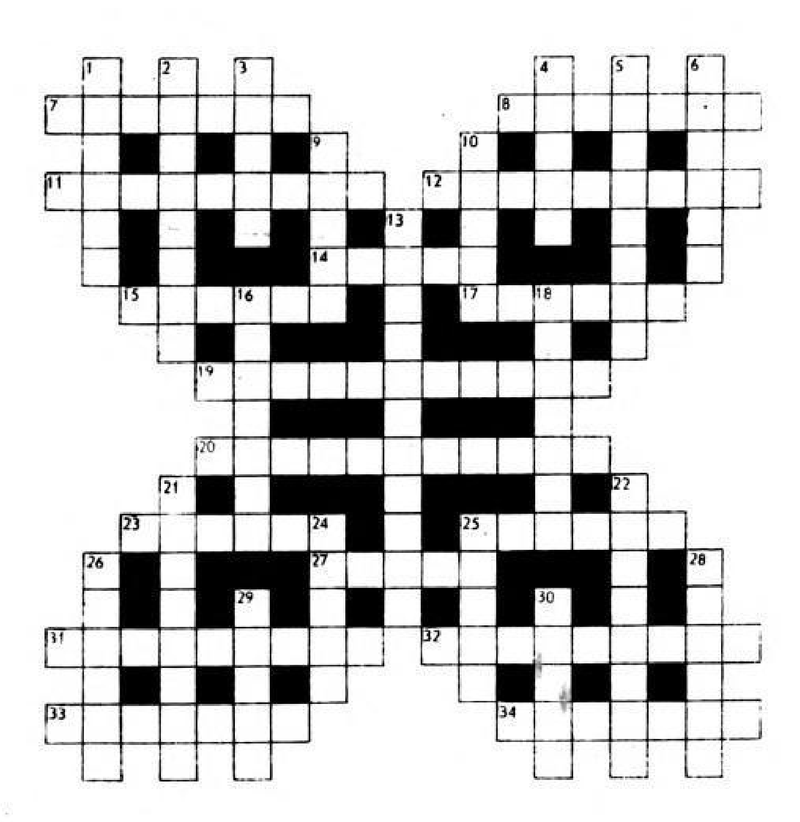
На зимнюю спячку.
Рисунок А. Грунина.



— И угораздило же меня подарить им книги...
Рисунок В. Воссарта.



— Скажите, этот шельмец не приносил вам штангу?..
Рисунок В. Дрогалина.



КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Скульптура И. Д. Шадра. 8. Большой рупор. 11. Русский композитор. 12. Экваториальное созвездие. 14. Река в Грузии. 15. Коллектив артистов. 17. Фасон пальто. 19. Роман Л. Н. Толстого. 20. Журналист. 23. Искусственная шерсть из вискозы. 25. Подвижное соединение частей механизма. 27. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций. 31. Соленое озеро в Заволжье. 32. Поэма К. Ф. Рылеева. 33. Типографская машина. 34. Чертежный инструмент.

По вертикали:

1. Курорт в Сибири. 2. Картина В. М. Васнецова. 3. Серный или железный колчедан. 4. Пушной зверек. 5. Самопишущий метеорологический прибор. 6. Обломки горных пород, отложенных ледником. 9. Драма Ж. Расина. 10. Стиль в архитектуре. 13. Объяснение, толкование текста. 16. Сотая доля числа. 18. Быстроходное судно. 21. Руководитель предприятия. 22. Южное дерево, кустарник. 24. Ряд гор в Средней Азии. 25. Промысловая рыба семейства карповых. 26. Часть речи. 28. Маринованные овощи. 29. Государство в Азии. 30. Приток Лены.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

По горизонтали:

5. Казакевич. 8. Черника. 9. Октябрь. 13. Тендер. 14. Сарафан. 17. Филиал. 20. Полотно. 21. Украина. 22. Рефрактор. 23. Полонез. 25. Устрица. 27. Слалом. 28. Кантата. 30. Блякин. 31. Витебск. 33. Малахит. 34. Жаворонок.

По вертикали:

1. Нарцисс. 2. Гарда. 3. Нетто. 4. Шикотан. 6. Цемент. 7. Арбитр. 10. «Недоросль». 11. Маргарита. 12. Магницкий. 15. Апофема. 16. Аметист. 18. Морзе. 19. Пурус. 24. Неолит. 26. Таллин. 28. Каботаж. 29. Атласов. 32. Каток. 33. Мегом.

Обложка художника И. СЕМЕНОВА.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00510 Подписано к печати 25/XII 1963 г.
Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 990 000. Изд. № 2 Заказ № 3148

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Новых песен тебе, баянист!



Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Этот московский вечер на телевизионном «Голубом огоньке» за столиками с традиционным кофе сверкали звезды мирового кино. Непринужденно шутила Симона Синьоре. Пели Ив Монтан, Лолита Торрес, Николай Рыбников... О своих новых работах рассказывали актеры из Праги и Варшавы. И снова пели под аккомпанемент гитары гости из далеких пальмовых краев.

И вдруг в эту атмосферу звездного великолепия влетела чистая и озорная песенка о русском снеге. Она влетела, будто откуда-то с большого приволья. Будто только что мчалась она по хрусткому насту и, не в силах остановиться, с разбегу ворвалась в распахнутое окно. Влетела и завладела всеми. Сразу потянулись к ней люди искусства, знающие то, что всегда трогает человеческие сердца...

Песенку о русском снеге приняли как свою; Жан Маре и Лолита Торрес не сводили глаз с коренастого музыканта, игравшего на баяне со счастливым и проникновенным выражением лица; казалось, нет и не может быть счастья большего, чем испытывал он в эти минуты. А рядом с ним молодая милая женщина пела про свой родной русский снег так, словно он, бесконечно радуя певицу, вот лежит и тает на ее теплой ладони...

Гости из разных стран не знали ни имени музыканта с баяном, ни песенки, которая так нежданно влетела к ним. Но москвичи, калужане, рязанцы, смоляне — словом, все телезрители — узнали человека, сотворившего песню. И как было не узнать! Это он создал «Ивушку зеленую» и «Волгу-речку», а их уже давно люди поют за дружеским столом и в клубе, на сцене и на улице, и дома, в тихий, раздумчивый час...

А между прочим, все еще дружней аплодировали бы, наверное, музыканту, если б знали его трудную и дальнюю дорогу, по которой он идет и идет себе с баяном, перекинутым на ремне через крепкое плечо.

— Пареньком играл я в ресторане, — рассказывает Григорий Федорович Пономаренко.

Почему начинал в ресторане? Кто ж его знает... Баян любил я самозабвенно, а нот не знал. Играл по слуху. И не все ли равно мне было, где играть! Лишь бы играть. И лишь бы слушали!.. По правде говоря, я из дома-то удрал тогда... Мачеха была такая святоша, что не признавала ни песен, ни музыки в доме. Играл я в ресторане, а ночевать приходилось где попало. А потом начались перемены. Услыхали меня как-то ребята из военного ансамбля песни и пляски, которым руководил Семен Семенович Школьников. «Что,— говорят, — тебе в ресторане делать? Будешь у нас баянистом, это точно!»

И вот стал я воспитанником ансамбля. Первый раз в жизни играю в серьезном, настоящем музыкальном коллективе и чувствую себя прямо-таки на седьмом небе. Еду первый раз в дорогу.

Год 1941-й. Дрогобыч. На рассвете в воскресенье разбудила меня война. Потом дело ясное — кирзовые сапоги, винтовка, двести патронов, граната... А с баяном пришлось до времени расстаться.

Дрались за Ковель, с боями отступали до Киева, и здесь нам в первый раз сказали: «Музыке быть!» Инструменты раздали и дали приказ: «Готовьте репертуар. Да такой, чтоб наповал стрелял по врагу».

Готовили этот репертуар в лесу под Броварами. Там, в лесу, я и написал свои первые песни: «Смерть за смерть» и «Трубите атаку, горнисты».

Это были песни на слова фронтовых корреспондентов. После спевок случалось идти в бой. Приходилось, конечно, и хоронить песенников...

А во второй раз нам сказали: «Музыке быть!» — уже под Курском; там оборону держали против танков Гудериана. Какой-то генерал приехал, узнал про нас и спрашивает: «Кто здесь лежит?» Мы говорим: «Солдаты».

— Музыканты? — продолжает он спрашивать.

— Были мы музыкантами...

— И опять будете музыкантами.

Долго рассказывать. Фронты, фронты... И песни.

Может, когда-нибудь кто-то вспомнит и напишет, как в тяжелый час перед атакой или в только что освобожденном селении, от которого одни черные трубы остались, появлялись пропыленные, оборванные, с измученными глазищами музыканты и, не переводя дух, давали концерт...

Так было до самой границы. А потом в Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Югославии, Польше...

Сколько было написано песен, невозможно даже вспомнить!

Многие песни тех лет затерялись где-то между Днепром и Дунаем. Но не просто затерялись, а лишь после того, как отслужили свое. Как солдаты...

* * *

...Поэт Виктор Боков, на слова которого написал большинство своих песен последнего времени композитор Григорий Пономаренко, мягко прерывает друга:

— Что ты, Гриша, все — фронт и фронт. Давай, брат, дальше. Давай про Волгу! Помнишь, как бродил по берегам, правому и левому, собирая песни волжские, как играл у костров на утесе Стеньки Разина, как снабжал песнями стройку ГЭС, не снимая баяна с плеча, — до тех пор, пока стройка не закончилась... Интересно мне, как ты плеча не оттянул? Инструмент твой не так уж чтобы очень легкий!..

— Нет, — говорит музыкант, — легкий. Это он только, когда дело не идет, тяжелый бывает. А когда песня идет, никакой тяжести не чувствую!.. Вот пришлось мне быть одно время музыкальным бригадиром на стройке Куйбышевской ГЭС. Даже представить себе невозможно, сколько там было людей хороших! Говорят иные: нельзя музыку создавать по заказу, не получится. Но ведь это смотря по тому, как заказ понимать. Меня, например, девчата-монтажницы просят: «Напишите нам что-нибудь лирическое, а если можно, и о нас немножко». Это заказ? Конечно! И если присмотришься к девчатам, к тому, как они работают на ясной волжской зорьке, сами такие ясные и молодые, тебе сделается так тепло, так хорошо и весело, что попробуй тут музыку не написать! Она сама напишется!

Григорий Федорович вспоминает, как он побывал со своим баяном в степном оренбургском Гай-городке. Точнее, городка еще и не было никакого, когда добрался он осенью, по беспутью к палаткам, где жили строители. Он поселился в палатке.

Холодны были осенние, поздние вечера с косыми дождями. Зима грозила заморозками, злым северным ветром.

Что было делать музыканту в этом не построенном еще Гай-городке? Что его держало здесь?.. Держали люди.

Держало именно то, что было им здесь холодно и неприютно. Очень трудно им здесь было... И, верно, оттого нужна была здесь песня — больше, чем где-либо в другом месте!

Строился еще Гай-городок... А по оренбургскому радио уже звучала на весь край песня «Гай-городок» — боевая, веселая, полная той упрямой жизненной силы, которая отлична в оренбургской степи людей из палаток.
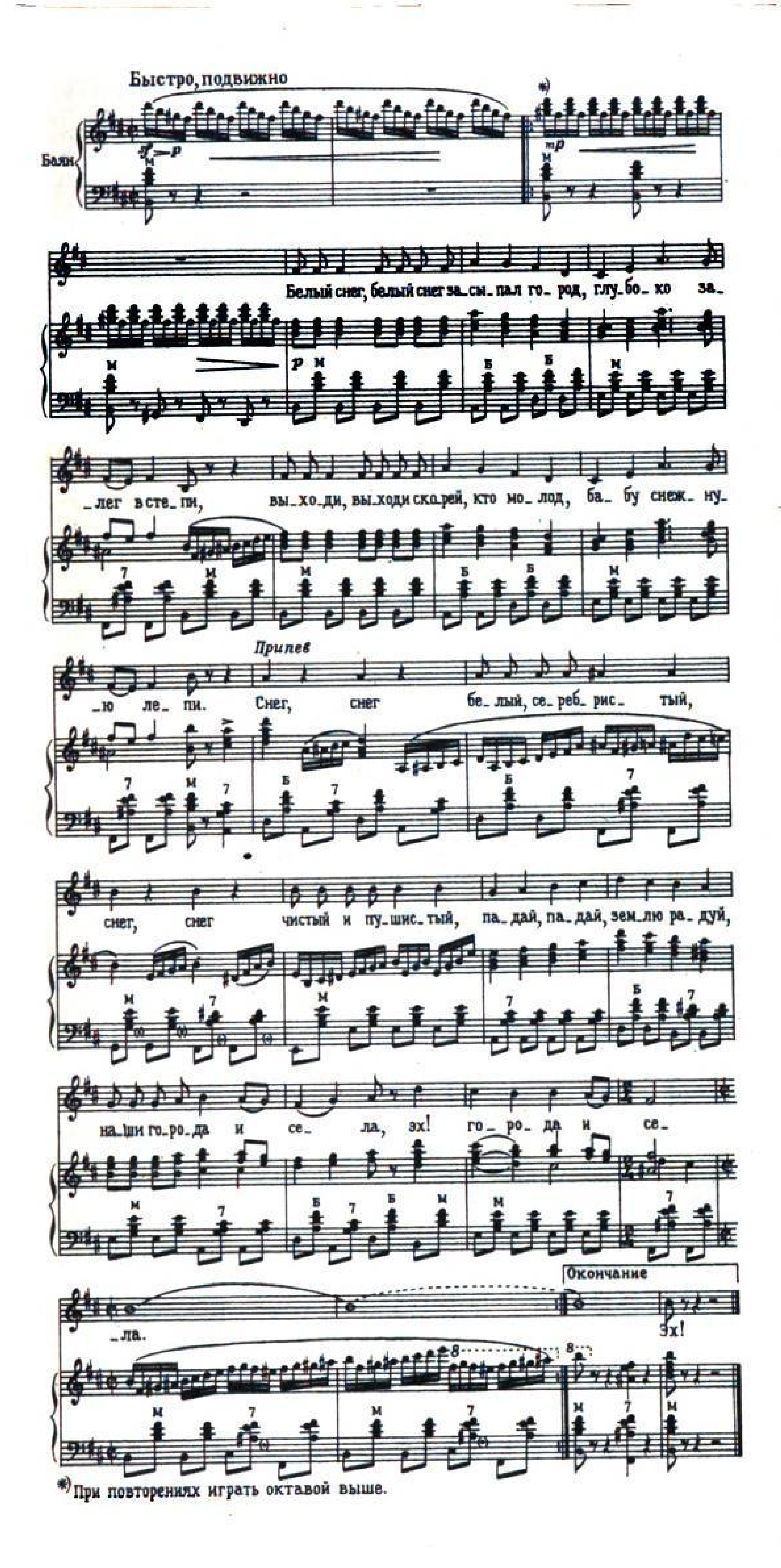
Теперь музыкант живет в Волгограде, городе-герое, где создал народный хор при дворце культуры тракторостроителей.

— Прибыл я туда, можно сказать, как на песенную новостройку. Первую свою сюиту там написал: «Мамаев курган». Это о городе-герое, о людях, лучше которых я вроде нигде еще не видал... Правда, я о всех людях всегда так думаю.

* * *

Ходит по нашей большой земле человек с баяном. Поживет там, поживет здесь, присмотрится к людям, сроднится с ними душой, удивится их великой красоте и проложит еще один светлый песенный след на широком большаке родного искусства...

И там, где остановится он, снимет баян с плеча и распахнет его мехи, люди обязательно заплатят ему большой, сердечной любовью...



*) При повторениях играть октавой выше.

Белый снег

Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО. **Слова В. БОКОВА.**

Белый снег, белый снег
Засыпал город,
Глубоко залег в степи.
Выходи, выходи скорей, кто молод,
Бабу снежную лепи!

Припев:

Снег, снег,
Белый, серебристый,
Снег, снег,
Чистый и пушистый,
Падай, падай, землю радуй,
Наши города и села,
Эх, города и села!

Белый снег, белый снег,
Белее ваты,
От него легко в груди.
Эй, народ, эй, народ,
Бери лопаты,
Снежный город возводи!

Припев.

Белый снег, белый снег
На всех крылечках,
Белый снег на всех путях.
Под полой, под полой
Стучит сердечко,
Ветерочек на санях.

Припев.



Ценный подарок.
Рисунок Г. и В. Караваевых.



— Не слушай его, это очень плохо...
Рисунок Рауля Вердини (Италия).

Универсальный зонтик.
Рисунок Г. и В. Караваевых.







Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.